АКАД. Е. В. ТАРЛЕ

ПАРИЖСКИЙ МИР 1856

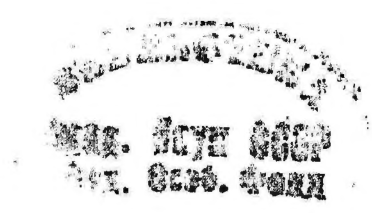
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1942

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАД. Е. В. ТАРЛЕ

ПАРИЖСКИЙ МИР
1856

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1942 ЛЕНИНГРАД

Акад. Наук СССР
Отд. Осн. Фонд

ОТ АВТОРА

Парижский конгресс и выработанный на этом конгрессе мирный договор явились заключительными актами долгой и кровопролитной Крымской войны, длившейся около трех лет. Война эта унесла много жизней и ознаменована геройскими подвигами защитников Севастополя. Крымская война оказала огромное влияние на все дальнейшее развитие европейских международных отношений. Многие английские историки в последние десятилетия склонны рассматривать политику Пальмерстона, ускорившего взрыв войны, как ошибочную. С другой стороны, нет ни одного русского историка, который нашел бы правильной и политику Николая I, приведшую к роковому результату. Только во французской историографии, так редко освобождающейся от налета шовинистических настроений, до сих пор можно встретить попытки совершенно обелить Наполеона III от обвинения в умышленном развязывании войны.

В настоящее время мы ведем, в союзе с Англией, борьбу с немецким фашизмом не на жизнь, а на смерть, с гнусно, предательски напавшим на нас врагом, который ничуть не скрывает, что желает уничтожить физически русский народ с откровенно во всеуслышание провозглашаемой целью: захватить территорию Советского Союза.

Читатель предлагаемого небольшого исследования, составляющего главу II тома моей работы о Крымской войне *, увидит, что на Парижском конгрессе Россия была вовсе не в позиции «побежденной» страны, хотя ей и пришлось пойти на известные жертвы. Читатель увидит также, как, можно сказать, на другой день после окончания военных действий, могущественнейшая в тот момент держава Европы, Франция, определенно стремилась войти в дружбу с Россией. Было нечто такое в самой атмосфере Парижского конгресса, чего нет и не может быть сейчас, в годину нынешнего побоища: было взаимное уважение, было почтение к доблести, к человеческим чувствам

* Е. В. Тарле. «Крымская война» (книга одновременно выходит в двух изданиях: Изд-ва Академии Наук СССР и Военно-морского издательства).

противника. Один из тогдашних французских публицистов сказал впоследствии, что за зеленым столом, где заседали дипломаты на Парижском конгрессе, рядом с графом Орловым сидели невидимые тени защитников Севастополя и помогали русскому представителю отстаивать интересы родины. Но и русские представители в свою очередь относились к своим антагонистам без вражды, без раздражения, потому что помнили, что ни англичане, ни французы, ни турки не нарушали сознательно и преднамеренно законов войны, установленных международным правом. С гитлеровскими зверьми в человеческом образе, достойным экземпляром которых является генерал фон-Рейхенау, поощряющий убийства ни в чем неповинного мирного русского населения только потому, что оно русское, разговор будет иной, нисколько не похожий на беседы и споры дипломатов на Парижском конгрессе. Точнее сказать, о мире победители будут договариваться не с гитлеровской шайкой преступников, а с теми представителями германского народа, которые сами предварительно с этой презренной бандой покончат.

***

Парижский конгресс мне удалось изучить по превосходно сохранившейся документации наших архивов. Те изложения, которые делались по изданиям иностранных архивов, поражают своей беглостью, казенщиной и явной недоговоренностью. А к подлинным рукописям на Западе до сих пор почти никого из историков не допускают. Советское высшее управление архивами с предельной готовностью и любезностью отнеслось к моим поискам и сделало от себя решительно все зависящее, чтобы удовлетворить всем моим запросам. Прибавлю, что и Институт истории Академии Наук со своей стороны во многом облегчил и ускорил завершение как всей моей работы, так в частности и этой, печатаемой ныне главы.

Пользуюсь случаем, чтобы принести здесь свою благодарность и высшей администрации архивов, и Институту истории Академии Наук, и научным сотрудникам этих обоих учреждений, очень помогавшим мне в работе.

ПАРИЖСКИЙ КОНГРЕСС И МИР

Напомним в нескольких словах, каково было сцепление фактов, приведших к принятию Александром II прелиминарных условий, необходимых для начала мирных переговоров, которым суждено было окончить Крымскую войну. Дело было поздней осенью 1855 года, уже после взятия русскими войсками Карса. Русский посол в Вене А. М. Горчаков совсем неожиданно узнал, что венский финансист Сину получил от своего делового контрагента в Париже, главы большой банкирской фирмы Эрлангера (он же по французскому произношению Эрланже), сообщение, что граф Морни выражает вполне определенное мнение о желательности начала мирных переговоров с Россией. Граф Морни пользовался полным доверием императора Наполеона III, единоутробным братом которого он был. Обрадованный Горчаков, зная, что Морни пользовался очень большим влиянием в Тюильрийском дворце, сейчас же ответил, что Россия пошла бы на мир с полной готовностью, если бы от нее не потребовали согласия на унизительные для ее национального достоинства условия, вроде отказа от права содержать военный флот на Черном море или вроде территориальных уступок. Морни отвечал, что никто Россию унижать не думает, что нейтрализация Черного моря сама собой со временем может свестись фактически к нулю, и т. д. Горчаков обратил внимание Морни на полную возможность установить со временем дружелюбные отношения между Францией и Россией. Не был ли «великий дядя императора» Наполеон I на вершине несокрушимого могущества именно в те годы, когда у него был союз с Александром I и т. д. Затеялась переписка в очень ласковых тонах. Дело шло на лад, когда внезапно Горчакову велено было из Петербурга прервать сношения с Морни, так как канцлер Нессельроде будет отныне сам вести переговоры не с Морни, а с министром иностранных дел Французской империи графом Валевским. Морни, во-первых, был гораздо лучше расположен к России, чем Валевский, потому что мечтал о франко-русском союзе, а во-вторых, имел гораздо большее влияние на Наполеона III, чем граф Валевский, — и уж

поэтому Горчаков имел все причины от души пожалеть, что Морни вдруг отстраняется от переговоров. А кроме того, Горчаков очень хорошо знал, что такое сам Нессельроде, и это также очень мало могло его обрадовать в данном случае. Дело объяснилось несколько позднее. Оказалось, что саксонский министр фон-Бейст, встретив в Германии временно проживавшего во Франкфурте бывшего русского посла в Англии барона Бруннова, предложил ему такого рода комбинацию: он, Бейст, едет в Париж и передает там, ссылаясь на Бруннова, что Россия хотела бы на достойных началах заключить мир. При этом речь будет итти лишь о частном, личном мнении Бруннова. Спустя несколько дней Бейст был принят Наполеоном III, позже император французов разрешил графу Валевскому тоже «частным» образом разговаривать на эти темы с саксонским посланником в Париже фон-Зеебахом. Наполеон III знал, что фон-Зеебах женат на дочери русского канцлера Нессельроде. Как только начался этот «частный» обмен мнений между Валевским и Нессельроде, — русский канцлер тотчас же и забрал все дело в свои руки, отстранив, как сказано, А. М. Горчакова, в котором он уже усматривал своего близкого преемника, он всегда его не переносил, всячески затирал и завидовал. Уже эта замена Морни Валевским, а Горчакова канцлером Нессельроде сильно портила русскую позицию в начинающихся переговорах. Но этим дело не ограничилось. Вконец все было испорчено, как потом говорили, непонятной выходкой фон-Бейста, который ни с того, ни с сего сообщил о происходящих тайных переговорах не то австрийскому послу в Париже Гюбнеру, не то самому Буолю. Могло быть, что уже до Бейста кто-то выдал секрет австрийскому правительству.

До сих пор никому из современников и потомков, которые писали о конце Крымской войны, не удалось дать убедительный ответ на следующий вопрос: кто именно довел до сведения Франца-Иосифа и графа Буоля о том, что уже с поздней осени 1855 года между Наполеоном III и Россией затеяны и в большой тайне ведутся через доверенных и, конечно, нисколько не официальных лиц какие-то сложные переговоры? Большинство тогда полагало, что виновата была болтливость кого-то из узнавших о том лиц, и обвиняло Бейста и Нессельроде. Возможно, конечно, что Нессельроде, который, несмотря на все свои негодующие восклицания об австрийском коварстве, все-таки продолжал надеяться на воскрешение «союза» России с Австрией, — нарочно постарался как-нибудь стороной, может быть, через Бейста, довести до сведения Буоля о начавшихся тайных сношениях с Наполеоном, в совершенно неосновательной надежде припугнуть его этим и заставить изменить курс своей политики. Возможно и другое: Наполеон III очень непрочь был в это время оказать самое серьезное давление на Австрию, чтобы заставить ее предъявить России ультиматум и затем Австрия либо принудила бы этим Александра II пойти на мир, либо

объявила бы ему войну. Это было вполне в стиле дипломатии французского императора. Во всяком случае одной только совсем случайной чьей-то болтливостью объяснять это дело трудно. Слишком уже большую и скорую услугу оказала эта «случайность» Наполеону III.

Франц-Иосиф решился. Австрийский посол в Петербурге Эстергази явился к Нессельроде и передал ему ультимативное требование: если Россия не изъявит своего согласия на принятие в виде прелиминарных условий мира пяти пунктов, то австрийское правительство принуждено будет объявить войну. Крайним сроком для получения русского ответа ставилось 18 января 1856 года. Таким образом, кроме пунктов: о нейтрализации Черного моря, об отказе России от права исключительного протектората над Молдавией и Валахией, о свободе плавания по Дунаю (что соединялось с потерей части Бессарабии), о согласии России на коллективное покровительство всех великих держав живущим в Турции христианам и христианской церкви — требовалось согласие России и на пятый пункт, крайне неопределенный и именно поэтому очень угрожающий. Этот пятый пункт, присоединенный к прежним, давнишним четырем требованиям, по настоянию Англии и Австрии, давал возможность державам во время будущих мирных переговоров с Россией возбуждать новые вопросы и предъявлять новые претензии «в интересах прочности мира». Таким образом, в присоединении этого умышленно нечеткого пятого пункта к первым четырем явственно сказалось стремление врагов расширить свои первоначальные требования до самых произвольных размеров. Срок был поставлен довольно жесткий — 18 января. Оставалось всего несколько дней.

Но как быть теперь, после Черной речки, после падения Севастополя? Продолжать войну было возможно, жизненные центры России не были затронуты, никаких симптомов упадка духа, растерянности, малодушия в армии не наблюдалось. Но было ясно, что хотя физическая возможность продолжать войну еще имеется, однако, на победу надежд уже никаких нет и, главное, нельзя вполне ручаться за настроение в тылу. Крепостная масса была и оставалась уже не совсем «спящим» вулканом. Многие, очень многие на верхах переживали в ту зиму 1855—56 гг. настроения Александры Осиповны Смирновой, которая растерянно металась и либеральничала в переписке со славянофилом Иваном Аксаковым, когда думала, что война будет продолжаться, и мигом оборвала с ним отношения, как только разнеслись слухи, что Наполеон III согласен на мир и что царь завел с ним какие-то сношения. По крайней мере, Иван Аксаков очень язвительно ответил ей на письмо, в котором Смирнова ни с того, ни с сего грубо написала ему, что ничего общего между нею и им в убеждениях нет и не было; Аксаков иронически объяснил, что он вполне понимает внезапную перемену в своей корреспондентке, которую, очевид-

но, приободрили слухи о мире. Царское окружение, подобно Смирновой, типичной представительнице великосветских кругов, блиставшей смолоду при дворе Николая, имело основание беспокоиться: продолжение войны могло стать началом бурного крестьянского движения.

Решаясь пойти на мир, Александр, вместе с тем, вовсе еще не выработал себе в эту зиму 1855—1856 гг. твердой линии будущей русской политики. Губительное пристрастие Александра II к Пруссии, к главе прусской реакции, брату короля (и будущему королю) Вильгельму, приходившемуся царю дядей, не умерялось в Александре. Много роковых ошибок в своей политике касательно Пруссии (а затем Германской империи) суждено было совершить Александру II, и реками крови заплатили за эти ошибки следующие поколения русских людей. И уже в 1855—56 гг. эта политика стала сказываться: царь все мечтал, что дружественная Пруссия поможет и что непременно нужно устроить так, чтобы эта держава была допущена к участию в переговорах. Александр не хотел признавать, что именно его дядя, принц Вильгельм, — *противник* России и порицает «руссофильство» (тоже крайне шаткое и сомнительное) короля Фридриха-Вильгельма IV. Берлин, под шум войны, давно уже был центром антирусских интриг и шпионажа. Такова была единственная «опора» России. И притом от «руссофильского» короля шли горячие увещания поскорее кончать войну, с темными намеками, что если война будет продолжаться, то, пожалуй, всей горячей любви Фридриха-Вильгельма IV к царю может нехватить на то, чтобы воздержаться от выступления против России.

Александр II в последние годы жизни отца приобщался время от времени к делам внутренней политики, к обсуждению вопросов чисто военных как организационных, так и стратегических, связанных с ведением враждебных действий против неприятеля. Но дипломатия его не касалась, да и интереса к ней особенного он никогда не обнаруживал. И вот теперь ему приходилось безотлагательно решать грозную проблему: поднять перчатку, брошенную Австрией, и продолжать войну, или подчиниться ультиматуму.

Смелости мысли в этой всегда чуждой ему дипломатической области у Александра Николаевича никогда не было. Он вырос при дворе отца в убеждении, что прочность не только общеевропейского, но мирового порядка обеспечивается крепостью «Священного союза», созданного в 1815 г. и объединившего Россию, Австрию и Пруссию для охраны консервативно-монархических принципов. Нелепое по существу заявление, сделанное Александром II после смерти отца (о том, что он будет верен принципам Священного союза), вовсе не означало, что он хочет быть каким-то Дон-Кихотом и перед неприятельскими актами австрийского правительства все-таки будет цепляться за давным-давно выветрившиеся и без остатка исчезнувшие

«союзные» отношения с Австрией. Как известно, Австрия заключила 2 декабря 1854 г. тесный договор с Наполеоном III и с Пруссией, которая не сегодня — завтра могла последовать ее примеру. Александр II повторял эти ставшие бессмыслицей слова лишь потому, что продолжал ассоциировать со словами «Священный союз» идею надежной защиты монархических начал от революционной гидры, угрожающей тронам и алтарям. Это, конечно, не помешало царю с полной готовностью отнестись к обозначившемуся после падения Севастополя желанию Наполеона III завязать негласные переговоры. Александр II хотел мира, войну считал проигранной и полагал, что долгое упорство в защите Севастополя и было одной из главных причин проигрыша всей кампании.

Однажды впоследствии Александр II имел случай в точности высказать свою мысль о Крымской кампании. Дело было в 1865 году, когда царь, проездом из Парижа в Ниццу, остановился на несколько часов в Лионе и здесь он встретился с маршалом Канробером, который с начала октября 1854 г. до мая 1855 г. был главнокомандующим французской армией под Севастополем. Александр II сказал Канроберу, что незачем было русским так ожесточенно защищать Севастополь, потому что если бы они сразу же его отдали, то сохранили бы в полной неприкосновенности все средства защиты, и обладание Севастополем ничуть не подвинуло бы французов и англичан к победе. Царь приписывал русскую неудачу главным образом трудностям, при русском бездорожьи, доставлять по ужасной грязи и по снежным сугробам продовольствие и боеприпасы из центра империи в Севастополь. А союзники, напротив, благодаря полному владычеству на море, имели постоянный и обильный подвоз.

20 декабря (1 января) 1856 года Александр II велел явиться в Зимний дворец канцлеру Нессельроде, графу Павлу Киселеву, князю М. С. Воронцову, графу А. Ф. Орлову и графу Блудову. Заседание было открыто царем, поставившим вопрос так: Австрия настойчиво предлагает принять в качестве прелиминарных условий пять пунктов, после чего начнутся мирные переговоры. В случае отказа есть основание опасаться, что Австрия объявит России войну и примкнет к коалиции. Что делать? Поставив вопрос, Александр II приказал графу Нессельроде прочесть приготовленную им записку. В своей записке Нессельроде определенно заявлял, что продолжение войны ни к чему хорошему для России не приведет, что условия после кампании 1856 года станут еще более жестокими и что нужно мириться, но можно постараться отделаться от опасного пятого пункта, по которому члены будущей мирной конференции могут «в интересах Европы» возбуждать новые вопросы, не предусмотренные первыми четырьмя пунктами. Граф П. Д. Киселев вполне присоединился к Нессельроде. Он прибавил, что новое напряжение, которое потребуется от России, серьезно подорвет ее финансы и экономическое ее положение, и может стать

опасным для целости империи. В таком же духе высказался и А. Ф. Орлов, и прочие члены совещания. С особенной решительностью и убежденностью говорил старый граф Воронцов, считавший новую кампанию против усилившейся коалиции в высшей степени трудным и бесцельным предприятием. Горячую речь против всяких уступок произнес Д. П. Блудов. Он находился под большим влиянием своей дочери, придворной славянофилки Антонины Дмитриевны, которая с полным непониманием политической ситуации высказывала уверенность в возможности, при должной настойчивости, разгромить всех супостатов и потом объявить славянский мир под русским двуглавым орлом. Испытания 1854—55 гг. сделали ее сдержаннее, и после смерти Николая она уже не так категорически высказывалась как прежде. Но все-таки и она и под ее влиянием старый граф, отец ее, еще сохраняли многое из недавних иллюзий. Блудов считал, что честь России не позволяет ей согласиться на австрийские пять пунктов, что с Россией союзники и Австрия разговаривают так, как разбойники, напавшие в лесу на одинокого путника, и т. д.

Но на этот раз граф Блудов только горестно сострил, повторив фразу министра Людовика XV после семилетней войны: «если мы не умели как следует вести войну, то остается заключить мир». Эта фраза повторялась некоторое время в петербургских салонах, — но, конечно, на решающем совещании во дворце ни малейшего впечатления не произвела. Даже если бы граф Блудов имел и очень большой вес при дворце, — а он не имел никакого веса сравнительно с Орловым или Воронцовым, то и тогда при сложившихся обстоятельствах его мнение никак не могло бы возобладать. Дело было решено бесповоротно.

Орлов, Киселев и Воронцов жестоко напали на Блудова. Они заявили ему, что государь их созвал не за тем, чтобы выслушивать не имеющие практического значения разные сравнения и фразы, но затем, чтобы узнать их мнение: воевать или кончить войну? Киселев обратил внимание на то, что в случае проигрыша новой кампании Россия может лишиться Финляндии, Кавказа и Польши. Совещание решительно высказалось против Блудова. Решено было ответить, что Россия принимает 4 пункта, но пятый отвергает, а также отвергает всякое урезывание своей территории.

30 декабря (11 января 1856 года) в Вене А. М. Горчаков сообщил этот ответ графу Буолю. Но тот прямо заявил, что он даже и не перешлет этот ответ в Париж и Лондон, так как там его все равно не примут. Вместе с тем он сообщил о решении Франца-Иосифа: если Россия не примет всех пяти пунктов без оговорок, то Австрия объявляет ей войну. Окончательного ответа граф Буоль будет ждать через шесть дней.

3 (15) января 1856 года Александр II приказал явиться в Зимний дворец к 8 часам вечера следующим лицам: князю Воронцову, графам Орлову, Киселеву, Блудову, военному ми-

нистру князю Долгорукову, великому князю Константину, графу Нессельроде и Мейендорфу. Петр Казимирович Мейендорф, приглашенный в качестве бывшего русского посла в Вене и знатока австрийских дел, оставил сравнительно полное описание того, что происходило в Зимнем дворце на этом историческом заседании. Протоколов не велось. Это совещание, в общем, было довольно близким повторением предыдущего.

Вопрос был поставлен так. Австрия предлагает принять пять условий, ею предъявленных. Если русское правительство откажется или не изъявит своего согласия до 6/18 января, то австрийскому послу Эстергази предписывается потребовать паспорты и прервать дипломатические отношения между Австрией и Россией.

Сообщив об этом, царь предоставил слово канцлеру графу Нессельроде. Нессельроде категорически высказался за принятие австрийских предложений. Основания он привел следующие: чем больше будет длиться война, тем больше будет возрастать число врагов, выступающих против России; шансов победы нет никаких. Если Австрия примкнет к коалиции, то новые условия, на которых Россия может заключить мир, будут хуже предъявленных теперь. Нессельроде напомнил, что и без того союзники не очень охотно согласились с австрийским ультиматумом, считая его слишком мягким. После Нессельроде слово взял князь Воронцов. Старый наместник Кавказа признал условия тягостными для России, но тоже считал, что нет никаких шансов добиться лучших, продолжая войну. А это продолжение потребует огромных жертв и затрат, быть может потери Польши и Финляндии, финансового полного истощения. Лучше принять мир сейчас, чем быть к нему насильственно вынужденными впоследствии.

Третьим выступил граф Орлов. Орлов знал, кто его будет слушать, он знал, что Блудовы отец и дочь стараются повлиять на императора и императрицу, передавая им о настроениях в патриотических кругах и убеждая не соглашаться на мир. Поэтому, конечно, Орлов сразу же обрушился на «злонамеренных или невежественных людей», которые представляют возражения против мира. Никакого внимания, по мнению графа Алексея Федоровича, эти возражения не заслуживают. «Масса населения, утомленная жертвами, которых требует война, с радостью примет известие о мире». Правительство не должно ничуть заботиться о разглагольствованиях и возгласах публики (des criailleries du pu lic, — все совещание велось на французском языке). Орлов обращал внимание собрания на то, что ведь еще и полустолетия нет, как Польша и Финляндия вошли в состав русской империи, и они вовсе еще не так прочно срослись с Россией, и неизвестно, как на них повлияет дальнейшее возможное расширение военных действий союзников. «По сравнению с такими опасностями жертвы, которых у нас теперь требуют, — ничтожны, минимальны (minimes) и на них должно согласиться. После Орлова высказался несомненно граф Кисе-

лев, хотя в письме Мейендорфа, которое я положил тут в основу рассказа о совещании, ничего о выступлении Киселева не говорится, а Петр Казимирович сразу же переходит к своему собственному высказыванию. Но в своей речи Мейендорф ссылается на слова Киселева, хотя и бегло, и мы узнаем, что Киселев высказался тоже за мир, черпая свою аргументацию в фактах, относящихся к внутреннему положению России. Мейендорф вполне согласен с Киселевым, и с ударением говорит о том, что «война неизбежно ведет нас к банкротству». Дефицит огромен, во многих губерниях нехватает рук для сельского хозяйства. Если Россия будет упорствовать в продолжении войны, то она дойдет до такой слабости, до какой дошла Австрия после наполеоновских войн, или Швеция после истощивших ее войн Карла XII. Так же точно, как граф Орлов, Мейендорф настаивает, что условия мира, предлагаемые России, нисколько не помешают развитию ее экономических ресурсов, нисколько не повредят ей в будущем, и совершенно очевидно, что через несколько лет Россия будет так же сильна, как была до войны, и будет тогда в состоянии сделать то, что при нынешних обстоятельствах невозможно. «Император меня одобрил», говорит Мейендорф *. Но он не приводит выступления графа Блудова, которое известно нам из других свидетельств.

Историческое заседание в Зимнем дворце стало тотчас же известно в широких кругах общества. Дознались, кто именно выступал и о чем говорил.

Славянофилы были раздражены до крайности. Они обвиняли уже не только Нессельроде, но всю придворную аристократию в трусости и предательстве. И больше всего обрушивались на М. С. Воронцова.

«По Москве ходят письма князя Воронцова, который с чего-то вообразил, что он пользуется авторитетом в России и особенно в Москве. Он поучает нас, как мы должны радоваться миру, и всех, недовольных им, заранее клеймит именем преступных глупцов. Письма писаны для распространения в публике, за что как следует публика порядочно его отделывает, вспоминая пророческие стихи поэта, и заканчивает их стихом: и вот он ц е л ы й наконец... ** говорят, что они умеют сочувствовать тяжелому положению и невольному согласию царя, но умеют также презирать подлецов, которые, валяясь в ногах, испрашивали согласия на мир. Продолжение войны угрожало их карману и в России и в Англии, родственной им по деньгам, духу и крови. Но чорт с ними» ***.

---

* Г. А. Ф. К. Э. Ф. 371, дело 93. Из писем П. К. Мейендорфа, Le 3/15 janvier 1856.

** Намек на известную эпиграмму Пушкина о М. С. Воронцове («...полу-подлец, но есть надежда, что будет полным наконец»).

*** Сергей Аксаков — Ивану Аксакову, 26 генваря 1856 г. (ИРЛИ, Архив Аксаковых).

Конечно, писавший это своему сыну старик Аксаков знал уже о том, что при первых слухах о мире А. О. Смирнова перестала либеральничать, порвала сношения с И. С. Аксаковым и, вообще, успокоилась и воспрянула духом.

Но не все разделяли страхи перед продолжением войны. При дворе раздавались и иные голоса. «Я в состоянии полного отчаяния. Сегодня на выходе все громко повторяли, что скоро будет заключен мир, что император согласился принять предложения Австрии... Вчера в городе говорили, что Эстергази покидает Петербург вследствие несогласия Австрии на наши контрпредложения, а сегодня только и речи, что о мире. Это объясняет мне состояние раздражения, в котором был император эти дни, быть может, его мучила совесть за то, что он уступил и подписался под позором России», писала в своем дневнике очень влиятельная при новом дворе фрейлина Тютчева 6/18 января 1856 г. Она была в те дни не одинока. «Уже вчера в городе разнесся слух, что мы соглашаемся на мир на унизительных основах австрийских предложений... Я не могу повторить всего, что я слышала в течение дня. Мужчины плакали от стыда». Тютчева не выдержала и пошла к императрице Марии Александровне, жене Александра II. «Она мне сказала, что им это тоже очень много стоит, но что Россия в настоящее время не в состоянии продолжать войну. Я ей возразила то, что повторяют все, что министр финансов и военный министр невежды, что нужно попробовать других людей, прежде чем отчаяться в чести России». Из этого разговора, происходившего 8 (20 января) Тютчева вынесла лишь убеждение, что Мария Александровна «или святая, или деревяшка!» Поразмыслив, взволнованная фрейлина, очевидно, склонилась в пользу первого варианта, потому что решилась снова иметь разговор с царицей. Тютчеву, впрочем, подбивал к такому настойчивому образу действий князь Петр Вяземский, который надеялся как-нибудь еще повлиять на императора: «Вы можете сослаться на мой авторитет, подо всем, что вы скажете, я подписываюсь», так он напутствовал Тютчеву. На этот раз 11/23 января Анна Федоровна решила говорить энергичнее. «Я твердо решила не молчать ни о чем... Я ей сказала, что все в отчаянии, говорят, что императору дали, вероятно, наркотическое средство, чтобы заставить его подписать такие позорные для России условия, и это после того, как он четыре раза их отвергал самым решительным образом, о чем гремели все газеты в Европе. Я ей рассказала, как вчера в русском театре, где давали «Дмитрия Донского», в ту минуту, когда произносились слова: «Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный!» вся зала разразилась громом рукоплесканий и криками, так что актеры принуждены были прервать на время игру... освистали актера, изображавшего в этой пьесе того, кто советовал заключить мир. Вот настоящая общественная демонстрация!» Тютчева, все усиливая тон, стала говорить «до какой степени опасна эта игра по тому глубоко неприязненному чув-

ству, которое она создает в стране по отношению к императору». Императрица возразила, что воевать дальше было невозможно. Крайне интересно продолжение этого разговора, подтверждающее нам, что все-таки в борьбе двух мнений настроения Смирновой в придворной аристократии явно преобладали над патриотическими чувствами Тютчевой: «Почему люди, которые отстаивали этот мир, вместо того, чтобы испытывать стыд и унижение от позора страны, принимают торжествующий и сияющий вид, как-будто они одержали победу над страной? Почему они бросают в лицо насмешку и оскорбление тем, кто оплакивает позор родины? Почему князь Долгорукий в Вашем салоне, подходя к графине Разумовской, говорит ей с радостным видом: Поздравляю вас, графиня, весной вы будете в Париже? Почему граф Нессельроде за обедом говорил итальянскому певцу Лаблаш: Поздравим друг друга, мы поедем в этом году к вам есть макароны?». Эти яростные и горестные нападки, срывающиеся с уст заведомо преданнейшей и любящей женщины, взволновали императрицу. «Наше несчастие в том», сказала она Тютчевой «что мы не можем сказать стране, что эта война была начата нелепым образом, благодаря бестактному и беззаконному поступку, занятию княжества, что война велась дурно, что страна не была к ней подготовлена, что не было ни оружия, ни снарядов, что все отрасли администрации плохо организованы, что наши финансы истощены, что наша политика уже давно была на ложном пути, и что все это привело нас к тому положению, в котором мы теперь находимся. Мы ничего не можем сказать. Мы можем только молчать...» * Александр знал о борьбе двух настроений, — и не хотел занимать слишком вызывающей позиции. Ходили слухи, что граф Орлов советовал арестовать вожаков демонстрации в театре во время представления «Дмитрия Донского», но царь ответил: «За что бы вы их арестовали? Разве только за то, что они пошли в театр в такое тяжелое время?» **.

Но все же Вера Федоровна Вяземская боялась и за Тютчеву и за своего мужа, князя Петра Андреевича, когда предостерегала смелую фрейлину: «Умоляю вас, будьте осторожны и не выдавайте своей точки зрения при дворе, это могло бы повредить вам и всем тем, с кем вы близки». Больше таких разговоров с царицей Тютчева уже не вела.

Не зная еще ничего точного, Иван Аксаков, повидимому, терялся. Мир он считал позорным, войну — безнадежной. Единственным утешением ему казался засвидетельствованный перед всем миром полный провал системы покойного императора. Вот что писал он родителям в конце января 1856 года:

«Позорный мир не состоится, вновь начнется война, война вялая, томительная, изнурительная, бестолковая. Какими тяж-

---

* А. Ф. Тютчева, Дневник, 99 (Запись 11 января 1865 г.).

** Там же, 105.

кими испытаниями ведет бог Россию к самосознанию, к уразумению источника бед и зол ее терзающих»... «Ратники радовались известию о мире, но когда им объясняется, что он куплен ценою позорных уступок, так они говорят, что им воротиться-то будет стыдно, что их в России на смех поднимут... Но все в порядке вещей: необходимо, чтоб позорилась правительственная Россия, чтобы обличилась вполне; было бы несправедливо и нелогично, если бы вышло иначе» *.

Известием о согласии царя на мир старик Аксаков был очень недоволен и считал это большим унижением. С ненавистью снова и снова поминается «Нессельроде, имя которого будет заклеймено позором и ненавистью в летописях русского государства». Слух о возможном в будущем союзе России с Наполеоном III отчасти утешает Аксакова. Что поражение в войне может оказаться полезным он признает: «Меня не столько тревожит унизительный мир, который будет забыт при громах новой славы, как мысль, что раны наши не довольно глубоки и болезнены, и что они в один год заплывут жиром, как и слова заплывают в несколько часов» **.

Когда конгресс уже подходил к концу, второй русский уполномоченный барон Бруннов в интимном письме к канцлеру Нессельроде сообщил «очень конфиденциальные данные, которые получил от Валевского». Эти данные имеют, бесспорно, большой исторический интерес, они подтверждаются другими свидетельствами и в свою очередь объясняют многое, уже без них известное. Вот как по этим показаниям развивались события.

В конце кампании 1855 г. английское правительство осаждало Наполеона III просьбами о новой, третьей кампании в предстоявшем 1856 году. «Наполеон сказал: хорошо, я согласен. Вы мне предлагаете продолжать войну. Я принимаю. Но она потребует огромных расходов, жертв людьми. Раньше чем на это решиться, я хочу знать, какое возмещение вы мне предлагаете, чтобы компенсировать риск подобного предприятия». Тут Англия начала колебаться и бормотать (balbutier). Она убоялась обязательств перед таким положительным, таким могущественным, таким ловким союзником. Она отступила. Тогда Наполеон сказал: «вот мелочные люди (les gens de peu). Они хотят, чтобы я делал их дела на наш собственный счет; чтобы я им помог сжечь Кронштадт для их удовольствия. И в ответ они мне ничего не предлагают. Так дело не пойдет» ***.

В то время когда подобные переговоры шли между Парижем и Лондоном, «другая маленькая пьеса разыгрывалась в Вене». Наполеон предлагал Австрии согласиться на удаление герцога Тосканского из Тосканы и перемещение его в качестве

* ИРЛИ. Архив Аксаковых, опись 12, № 27. Письмо И. С. Аксакова к родителям, с датой 25 января 1856 г., г. Бендеры.

** С. Аксаков — И. Аксакову 15 января 1856 г., Москва.

*** Архив вн. пол. Папка: «Письма барона Ф. Бруннова к К. В. Нессельроде». Paris le 8/20 mars 1856.

владетельного князя в Молдавию и Валахию. Но Австрия не соглашалась, тем более, что Наполеон при этом имел в виду «другие комбинации в Италии».

Тогда Наполеону «стали противны его союзники». И он решил заключить мир с Россией. А раз решившись на мир, — он и повел дело «с твердостью и поставил на своем» *. Так изображает дело двоюродный брат и министр Наполеона III, граф Валевский, доверенное лицо императора, сын Наполеона I от графини Валевской. Даже если Валевский умышленно хочет слишком очернить Англию в глазах Бруннова, которому все это рассказывает, — то все-таки это свидетельство заслуживает полного внимания.

При дворе знали о давнишней, относившейся еще к началу февраля 1854 года и совершенно неудавшейся тогда попытке Орлова круто переменить курс русской внешней политики, разорвать узы мнимого «союза» с Австрией и заключить реальный союз или соглашение непосредственно с Наполеоном III. Теперь, когда по ряду признаков Александр II видел, что Наполеон со своей стороны хочет скорейшего прекращения войны, и, может быть, сближения с Россией, царь, естественно, решил послать в Париж именно Орлова. «Государь брат мой!» писал царь Наполеону 24 января (5 февраля) 1856 года: «Ваше императорское величество не могли ошибиться относительно мысли, руководившей мной, когда я предложил, чтобы мирные конференции состоялись в Париже. Эта мысль была мне внушена доверием к личному воздействию вашего императорского величества на ход переговоров. Миссия моего генерал-адъютанта графа Орлова ныне дополняет эту мысль. Он — более чем уполномоченный. Я могу сказать, что он друг и выразитель самых интимных моих взглядов. В этом качестве я и прошу ваше императорское величество благоволить принять его». Повидимому, этот первоначальный проект письма был видоизменен **. Но письмо в точности выражает настроения царя в этот момент; это мы знаем из единогласных свидетельств всех других источников.

При отъезде в Париж графу Орлову была вручена одобренная царем инструкция, которую составил Нессельроде, доживавший последние дни своего канцлерства, хотя он и делал все зависящее, чтобы полностью воспринять новые взгляды.

Немногому научила Орлова эта инструкция. Он и без постановлений знал, что труднее всего будет дипломатическая борьба на конгрессе против Англии и Австрии, и пожалуй даже больше против Австрии, чем против Англии. И без инструкции граф Алексей Федорович понимал также, что следует искать помощи у Наполеона III. Глубокомысленный совет Нессельроде

---

* Архив вн. пол. Папка: «Письма барона Ф. Бруннова и К. В. Нессельроде». Paris le 8/20 mars 1856.

** Архив вн. пол. К. 72 Alexandre II — Napol on III Le janvier 1856. На копии: Projet d'une lettre non avenue. Заголовок оригинала: Projet d'une lettre au l'Empereur Napoléon.

составить, при случае, дипломатический блок из России, Франции и Австрии против Англии был последней, робкой попыткой старого канцлера примирить свое австрофильство (всецело базировавшееся на мечте о воскрешении Священного союза) с новой системой, с идеей А. Ф. Орлова и А. М. Горчакова — тесно сблизиться с французским императором. Любопытно, что Нессельроде и одобривший инструкцию Александр II готовы были, если понадобится, уступить по вопросу о невозведении впредь укреплений на Бомарзунде и на Аландских островах вообще. Из этого согласия насчет укреплений на Аландских островах, а также из согласия России на возвращение туркам взятого Карса и на исправление границы с Турцией — графу Орлову рекомендовалось сделать предмет, так сказать, дипломатической торговли: уступить по этим вопросам, попытавшись предварительно получить соответствующую компенсацию. Нессельроде подчеркивает, что согласие на мир пришлось дать потому, что в случае отказа, к враждебной коалиции примкнули бы сначала Швеция и Австрия, а затем и все европейские державы вообще. И прямым последствием этого была бы «полная торговая блокада России». Канцлер и царь этими строками инструкции с ударением напоминают Орлову, что он должен пустить в ход в Париже всю свою общепризнанную ловкость, чтобы оградить на конгрессе по возможности интересы и достоинство России, — но что во всяком случае он должен привезти из Парижа подписанный мир *.

В другой специальной инструкции речь шла о Бессарабии. Этот пункт в намеченном проекте мирного трактата был озаглавлен так: «исправление границы Бессарабии». По этому пункту Александр II и Нессельроде предвидят больше всего возражений со стороны австрийского уполномоченного графа Буоля, так как, по их мнению (вполне справедливому), ни Франция, ни Англия не заинтересованы особенно сильно в этом вопросе. Здесь Орлову рекомендуется подействовать на Буоля следующими аргументами: «Образ действий, которому следовал австрийский кабинет с начала нынешнего кризиса, создал в России крайнее раздражение. Нелегко прощают другу, который оказался неблагодарным и предал вас. Не в интересах Австрии, чтобы это чувство укрепилось, чтобы эта враждебность продолжалась: Австрия может ее почувствовать в тех случаях, которые могут возникнуть легко при еще столь взволнованном состоянии Европы. Единственное средство, которое есть у Австрии, чтобы исправить причиненное ею нам зло, заключается в том, чтобы обнаружить уступчивость (se montrer facile) в деле о Бессарабии, отказаться от выдуманного ею (Австрией) дурного разграничения»... По мнению Нессельроде «этот аргумент, рассудительно

* Архив вн. пол. К. 152. Nesselrode — Orloff le janvier 1856. Помета Александра II: «Быть по сему».

развитый, может быть произвел бы действие на австрийского уполномоченного» *.

С тем же курьером Нессельроде отправил Орлову и еще одно «очень секретное» письмо.

Тут в самых кратких словах дается ближайшая внешнеполитическая программа нового царствования: Россия должна заняться внутренними своими делами, а от Европы может требовать только одного, чтобы Европа оставила ее в покое. Но даже и эта скромная цель, по мнению царя и канцлера, нелегко достижима. Старый союз России с Австрией и Пруссией не существует; Англия выходит из войны недовольной, раздраженной; Швеция на севере, Турция на юге теперь, после войны, совсем в другом положении относительно России, чем были прежде, и отношения с ними теперь более «деликатные», т. е. они будут держаться не так уступчиво и миролюбиво, как до сих пор. Общий вывод: ввиду поведения бывших союзников, воспользоваться возможностью установить хорошие отношения с Наполеоном III, но не давать себя увлечь во все его будущие политические предприятия.

Кроме общей инструкции графу Орлову при его отъезде на конгресс были вручены еще несколько частных, касавшихся отдельных вопросов наиболее важного для России значения.

Самым болезненным для национального самолюбия, конечно, являлся вопрос о Черном море.

Как понимать требование: «Черное море должно быть нейтрализовано. Открытые для торгового судоходства всех наций, эти воды должны остаться закрытыми для военных флотов». Орлову рекомендовалось требовать прибавления пункта о закрытии проливов для военных судов всех наций. Проект договора говорил, что на Черном море не должно быть отныне ни создаваемо, ни сохраняемо морских военных арсеналов». Инструкция рекомендовала Орлову ввести в окончательный трактат две оговорки: одна — о морском арсенале, существующем в городе Николаеве, который в точности находится не на берегу Черного моря; вторая оговорка должна была касаться Азовского моря, где Россия должна была сохранить право обладания морскими арсеналами. Кроме того, по толкованию русской дипломатии запрещение должно было касаться именно только морских арсеналов, а не возведения фортов и крепостей. Наконец, запрет России и Турции держать военный флот на Черном море. Тут Орлову предлагалось указать конгрессу, что Россия и Турция — не в одинаковом положении, что Россия имеет гораздо большую береговую полосу на Черном море, чем Турция, что, кроме того, России необходимо бороться против пиратов и против рабовладельческих судов, ведущих торговлю рабами, не говоря уже о военной контрабанде у чер-

* Архив, вн. пол., К 152. Notice particuliére Nesselrode — Orloff, 30 janvier 1856.

кесских берегов. Тут инструкция имела в виду реальнейший факт оживленной работорговли между Кавказским берегом и Турцией *.

Третья из этих специальных инструкций очень любопытна: она отражает колебания Александра, который боится одинаково и лишиться поддержки Наполеона III и слишком дорого переплатить за эту поддержку, если тот потребует участия в каких-либо рискованных политических предприятиях. Эта инструкция снабжена в оригинале надписью: «Проект очень секретной (подчеркнуто в рукописи) депеши графу Орлову». Графу Орлову очень рекомендуется помнить, что хотя в главной (общей) инструкции ему и указывается на необходимость искать помощи у императора французов, но это сближение должно быть лишь временным, на те дни, когда будет заседать конгресс, потому что, — пишет Нессельроде, — «более чем когда-либо наш августейший повелитель хочет освободить свою политику от всякого окончательного обязательства». Не нужно никаких «преждевременных союзов». А с другой стороны, августейший повелитель не хочет, чтобы Наполеон III подумал, будто русские на него еще сердятся за войну. Как же быть? «Ловкости наших уполномоченных предоставляется так себя повести, чтобы миновать это препятствие и вместе с тем не возлагать на себя несвоевременных обязательств».

Нужнее всех и опаснее всех Наполеон III: «Мы должны особенно остерегаться того, кто теперь управляет судьбами Франции». С одной стороны, — совсем неизвестны его проекты и поэтому наперед связывать свою политику с его политикой нельзя. «А с другой стороны, было бы все же благоразумно заручиться его благорасположением, указывая на выгоды, которые могут проистечь для него, и, особенно, указывая на то, что без деятельного участия России, каковы бы ни были тенденции остальной Европы, не исключая Англии, — никакая эффективная коалиция против наполеоновской династии и невозможна и неосуществима» **.

Никаких настоящих указаний, в сущности, за все время пребывания своего в Париже граф Орлов не получал ни от Александра II, ни от Нессельроде. Да он их, собственно, вовсе и не просил. Он нуждался лишь в необходимом санкционировании тех шагов, которые он делал на конгрессе, и это-то он и называл, из любезности к царю, высочайшими указаниями и предначертаниями. Александр II не имел ни особого вкуса, ни способностей к дипломатии, в полную противоположность своему отцу. Звезда А. М. Горчакова еще только восходила, и при новом царе находился в Петербурге пока все тот же неизмен-

---

* Архив вн. пол. К. 152 Mer Noire. Приложение к инструкции Нессельроде, 30 января 1856.

** Архив вн. пол. К. 152—141. Nesselrode — Orloff le 30 janvier 1856. Помета Александра II сверху: «Быть по сему».

ный Нессельроде, который никогда еще, за все свое земное странствие, не произвел на свет ни одной самостоятельной идеи, не измыслил ни одного сколько-нибудь искусного дипломатического шага. Поэтому — на редкость пресны и бессодержательны все бумаги из Петербурга, которые во время Парижского конгресса получали время от времени Орлов и Брунов. Взять, для примера, хотя бы послание Нессельроде графу Алексею Федоровичу, от 29 февраля, украшенное обычной царской пометой: «Быть по сему». Это — перепевы всего того, что сам Орлов не переставал писать царю и канцлеру в Петербург. Ненужный, истинно азбучный совет, стараться уладить все дела с Англией и Францией, ибо эти державы решают вопрос о войне и мире. Столь же азбучное и ничего конкретного не советующее указание, что нужно искать расположения Наполеона, но очень доверять ему нельзя, потому что он не захочет отделиться от Англии и ссориться с ней. Запоздалые, совсем уж ненужные «указания» об Аландских островах и о Карсе * и т. п. Единственное, что историку должно извлечь из этого и других подобных произведений творчества графа Нессельроде в дни Парижского конгресса, — это — явное, решительное нежелание продолжать войну.

Канцлер К. В. Нессельроде доживал тогда последние недели своего более чем сорокалетнего пребывания на министерском посту. Он органически не мог понять всей цепи роковых заблуждений, приведших к войне 1853—56 гг., и долю личной своей ответственности, и даже, просто, был неспособен почувствовать горечь национальной обиды, которую, например, граф Орлов очень и очень чувствовал.

А. М. Горчаков, ближайший преемник Нессельроде, государственный канцлер и министр иностранных дел при Александре II, рассказал однажды в доверительной частной беседе следующее: «Знаете одну из особенностей моей деятельности как дипломата? Я первый в своих депешах стал употреблять выражение: Государь и Россия. До меня для Европы не существовало другого понятия по отношению к нашему отечеству, как только: император. Граф Нессельроде даже прямо мне говорил с укоризной: для чего я это так делаю. Мы знаем только одного царя, говорил мой предместник: нам нет дела до России» **. В особенности графу Карлу Васильевичу не было дела до России, когда ей приходилось весной 1856 г. расплачиваться на Парижском конгрессе. Его лично ждала милостивая отставка, с громадной пенсией и немногими еще недоданными ему за сорок лет орденами. И он вел себя весной 1856 г. уже больше как посторонний зритель. Конечно, именно по поводу Нессельроде в первые месяцы 1856 года поэт Тютчев сказал, что эти сановники

* Архив вн. пол. К. 152. Nesselrode — Orloff le 7/19 février 1856.

** Рассказы А. М. Горчакова. Рус. Старина, 1883, том 40, стр. 168.

Николая, оставшиеся у власти и при Александре II, ему «напоминают волосы и ногти, которые продолжают расти на теле умерших еще некоторое время после их погребения в могиле». Как видим, Нессельроде продолжал вредить России, по мере сил, при новом царе, хотя делал это попрежнему, конечно, по бездарности и недальновидности, а вовсе не потому, чтобы был умышленным изменником, в чем его, например, подозревали тогда даже и такие умные усадебные барышни, как Вера Аксакова (да и вся семья Аксаковых в большей или меньшей степени).

Первым прибыл в Париж барон Бруннов и 14 и 16 февраля он имел два собеседования с председателем конгресса французским министром иностранных дел графом Валевским. Оба свидания произвели на второго русского уполномоченного очень отрадное впечатление. Валевский заявил, что император Наполеон хочет, чтобы начинающиеся переговоры увенчались успехом, и будет играть «умеряющую» роль перед лицом английской и австрийской делегаций, которые могут обнаружить менее примирительные наклонности. Но Валевский при этом настойчиво просил, чтобы русские поняли, как подозрительно и ревниво англичане будут следить за всяким признаком сближения между Наполеоном и Россией. Это же подтвердил Бруннову и другой французский министр Фульд. С англичанами дело обстоит так. Пальмерстон боится, что в Англии будут недовольны мирным трактатом, который обещает быть гораздо менее выгодным для англичан, чем в парламенте этого ждали. Премьер опасается быть низвергнутым. Первый английский уполномоченный на конгрессе лорд Кларендон — человек робкий, очень боящийся оказаться в глазах общественного мнения не на высоте своей задачи. И притом именно Кларендон очень боится за целость и сохранность англо-французского союза вследствие возможного сближения Наполеона с русской делегацией.

Бруннову удалось уже в этих первых беседах с французами основательно прозондировать почву по основным пяти пунктам, которые больше всего интересовали Россию.

Первый пункт: вопрос об Аландских островах. Обнаружилось, что англичане будут требовать воспрещения для России возводить укрепления на этих островах; и в этом требовании французское правительство их поддержит. Второй вопрос — о Карсе. И англичане и французы будут требовать возвращения его Турции. Третий вопрос — о Черкесии. Английская делегация намерена настаивать на том, что, так как союзники во время войны пытались поднять на Кавказе восстание против России, то они теперь обязаны «не предать их». Но Валевский уже наперед успокоил Бруннова. Наполеон не намерен поддержать англичан в этом вопросе: «вы можете не беспокоиться» *. Четвертый вопрос — о Черном море. Тут Бруннов озабочен воз-

* K. 147 № 1, Brunnow — Nesselrode. Paris le 7/19 février 1856.

можным требованием англичан о срытии укреплений и уничтожения верфей в Николаеве, Новороссийске, Сухуме. Но Бруннов об этом по своему признанию не хотел даже пока и заговаривать с Валевским, чтобы не показать, что у него, Бруннова, даже и мысли о таких требованиях возникнуть не может. Пятый вопрос — о новом разграничении Бессарабии. Это — такой вопрос, который в состоянии очень неблагоприятно повлиять на весь ход мирной конференции. Тут главный враг не Англия, но Австрия, которая «имела ловкость» привлечь на свою сторону англичан. Валевский здесь не будет особенно энергично поддерживать Австрию, но, с другой стороны, он не очень склонен принять и подсказываемую русскими комбинацию: не уменьшать нисколько русских владений в Бессарабии, а компенсацией за это признать возвращение Карса... Но тут предстоит много хлопот и затруднений: «англичане показывают вид, что благоприятствуют Австрии в Европе, чтобы она помогла им, в свою очередь, в том, что касается Азии». Вообще же исход переговоров будет в значительной степени зависеть от Наполеона III. «Я смотрю так, что в этом истинный узел всех негоциаций».

Барон Бруннов со злорадством отмечает, что Австрия своим поведением во время войны потеряла дружбу России, но вовсе не приобрела этим дружбы противников России. Но, очевидно, даже для неглупого в общем дипломата, каковым был барон Бруннов, нельзя безнаказанно всю свою жизнь провесть под начальством Нессельроде: Бруннов и теперь считает полезным внушать этой самой Австрии, что «старые друзья самые верные». Даже Александра II это взорвало, и он, отчеркнув эту строчку в донесении Бруннова, написал карандашом на полях: «Я нисколько на это не рассчитываю» *.

Но уж зато первый уполномоченный, граф Орлов, ни в малейшей степени не был заражен сантиментальными воспоминаниями о Священном союзе. Для него Австрия была врагом гораздо худшим, чем Англия.

Произведя предварительное зондирование почвы, — Бруннов стал с нетерпением ждать приезда в Париж графа Орлова.

15 февраля в Париж прибыл первый английский уполномоченный лорд Кларендон. Немедленно же после этого второй уполномоченный лорд Каули явился к барону Бруннову и предложил ему свидание с Кларендоном.

Это свидание состоялось 18 февраля. Кларендон начал с того, что будущий мирный договор не будет популярен в Англии. Первые две кампании (1854 и 1855 гг.) не привели к решительному результату — и Англия делала большие приготовления к третьей кампании (1856 г.), как вдруг — дело пошло к переговорам. Это — разочаровывает английский народ, усиливает оппозицию, ставит в опасное положение правительство. После такого дебюта Кларендон все-таки заявил, что лично он хочет заключения мира, и тут же предложил главные англий-

* Там же: «je n'y compte nullement».

ские требования: 1) возвращение взятого Карса туркам; 2) невосстановление укреплений на Аландских островах; 3) Англия желала бы некоторых облегчений для своей торговли на Кавказе (в «Черкесии»), а также уничтожения (точнее невосстановления) фортификаций на побережьи Черного моря. Тут в донесении Бруннова некоторая расплывчатость: неясно, говорил ли Кларендон о кавказской части побережья или о всем побережьи Черного моря, — потому что дальше Бруннов отмечает, что Кларендон «промолчал» о Николаеве. Обо всех этих острых вопросах Бруннов своего мнения не высказывал, подчеркивая тем самым, что не ему судить, а графу Орлову, который еще не приехал. Но зато Бруннов очень распространялся о желательности установления коллективного контроля и наблюдения всех пяти великих держав над правильным проведением в жизнь новейшего султанского хатти-шерифа о полной свободе всех христианских исповеданий в Турции. Лорд Кларендон с полнейшим сочувствием встретил это заявление и сказал, что система, предлагаемая Брунновым, устраняет впредь всякие разногласия между Англией и Россией в этой области: «Делая наше наблюдение коллективным, вы лишаете его оскорбительного характера, который в наших глазах имела бы политика исключительно (русского) наблюдения». Мало того: Кларендон уже от себя заявил: «Никто из нас не может отрицать постоянного влияния России и ее государей, которое они должны оказывать на большинство христиан, исповедующих православную веру на всем протяжении Оттоманской империи». Вскоре после этого свидания Кларендон поделился с графом Валевским благоприятным впечатлением, которое произвели на него заявления Бруннова.

В сущности, с самого начала заседаний Парижского конгресса для русского представителя было аксиомой, не требующей никаких доказательств вследствие полнейшей самоочевидности, что ни в каком случае Англия в одиночку воевать против России не станет. Когда спустя несколько месяцев после заключения мира правительство Пальмерстона по одному частному вопросу, касавшемуся выполнения мирных условий, заняло угрожающую позицию, — то граф Валевский поспешил успокоить русского представителя барона Бруннова словами: «Без Франции никто в Англии не рискнет воевать с Россией. Вся страна высказалась бы против подобной идеи. Пальмерстон сразу пал бы, если бы вздумал эту мысль поддерживать» *. Во время заседания конгресса, конечно, Валевский еще не мог изъясняться в таких категорических выражениях, но по существу дела граф Орлов ясно видел, что Наполеон III не желает грозить России войной из-за ее несогласий с англичанами.

Перед началом заседаний мирного конгресса между Валевским, Брунновым и Кларендоном было условлено, что следует

---

* Архив вн. пол. К. 150, № 368 Brunnow — Gortchakoff. Paris le 6/18 octobre 1856.

избегать длинных речей и что для протокола следует приберегать лишь формулировки окончательных результатов каждого заседания. Протокол должен был составляться директором политического департамента французского министерства иностранных дел Бенедетти, причем ему в помощь были командированы по одному представителю от каждой из мирных делегаций, принимающих участие в конгрессе *.

Еще не успели открыться заседания конгресса, как последовал один очень обдуманный ход со стороны Наполеона III. Граф Морни завел доверительную беседу со вторым русским уполномоченным, бароном Брунновым. Нужно сказать, что Морни и до начала войны и даже во время самой войны не переставал при всяком случае обнаруживать дружелюбие по отношению к России и свое огорчение по поводу разрыва с ней. Теперь он не скрывал, что очень бы хотел более тесного франко-русского сближения. Но обратился он на этот раз в середине февраля 1856 года к Бруннову явно по прямому поручению императора, и обратился с такой речью, которую императору самому было неудобно вести с графом Орловым. Граф Морни информировал Бруннова о следующем. Император Наполеон должен умышленно, с намерением, «чтобы не сказать с аффектацией» (pour ne pas dire l'affectation) показывать вид «при публике», что он приписывает большую важность своему союзу с Англией. «Но не следует обманываться насчет истинного характера этой манифестации. Она глубоко скрывает секрет перехода от одной системы к другой. Истинная ловкость будет состоять в том, чтобы дать созреть делу, не желая слишком торопить развязку» **.

Другими словами, Наполеон III решил вести игру на два фронта, обеспечивая за собой возможность использовать одного из партнеров против другого и культивировать сближение с Россией, в то же время не раздражая и не отпугивая подозрительного Пальмерстона.

Со свойственным ему оптимизмом барон Бруннов чрезмерно преувеличивал в начале парижских конференций степень готовности Наполеона III пожертвовать уже существовавшим союзом с Англией во имя проблематического будущего союза с Россией. Его иллюзия поддержки велась интимными беседами с графом Морни, который не переставал уверять Бруннова (в самый разгар конференций), будто император только для вида поддерживает союз с Англией, а на самом деле не нужно придавать значения его дружественным манифестациям по адресу англичан, потому что готовится «переход от одной системы к другой» ***.

---

* Архив вн. пол., К. 147, № 4 Brunnow — Nesselrode, 7/19 fevrier 1856.

** Архив вн. пол., К. 147, 5, Paris le 7/19 fevrier 1856, Brunnow — Nesselrode.

*** Архив вн. пол., К. 147, № 5, Brunnow — Nesselrode. Paris le 7/19 fevrier 1856.

Русские дипломаты с большим вниманием следили за одним довольно загадочным феноменом. Барон Джемс Ротшильд, финансовый магнат, связанный большими делами и с русским и с французским правительством, проговорился или сказал намеренно Бруннову о деятельных военных приготовлениях, под шумок происходящих во Франции. Бруннов в «дружеской» беседе с графом Валевским дал ему тогда понять, что он знает об этих военных приготовлениях, как будто не соответствующих мирным стремлениям французской дипломатии. Валевский объяснил этот факт тем, что Франции приходится в данном случае считаться с англичанами, которые очень активно продолжают вооружаться. Чтобы не породить у английского правительства никаких подозрений, добавил Валевский, французы должны следовать их примеру, иначе это может повредить успеху дела умиротворения. Барон Бруннов сделал вид, что он удовлетворен этим довольно путанным объяснением *.

Вечером 21 февраля 1856 года граф Орлов со своей свитой прибыл в Париж. Уже 22-го утром он виделся с Валевским и остался очень доволен первым визитом: «Я сказал все, мы расстались добрыми друзьями» **. Орлову была назначена аудиенция у императора на следующий день, 23 февраля.

Аудиенция состоялась в кабинете у императора, с глазу на глаз. Наполеон III был ласков, обнаружил не только желание мира, но и стремление завязать «личные, более интимные отношения между обоими государями». Правда, никаких положительных обещаний он не делал, но «это в его характере», замечает Орлов, который в своей телеграмме прибавляет, что император уверил его о своей готовности всячески облегчить переговоры, «согласно объяснениям, которые я (Орлов) ему дал» ***. Александр написал на этой телеграмме: «Дай бог, чтобы отсюда вышло что-нибудь хорошее».

Прием, оказанный Орлову в первой же аудиенции в Тюильри, был в самом деле самый милостивый. Орлов заявил, что Александр II хочет «справедливого и прочного мира» и стремится «укрепить симпатии», возникшие (по наблюдениям царя) между Россией и Францией. Наполеон III ответил, что это и его желание. Затем император отпустил кивком головы окружавшую его придворную свиту, — и, оставшись вдвоем, собеседники повели деловой разговор.

У нас есть полный отчет Орлова о том, что было переговорено в этой интимной обстановке. Орлов, с той симуляцией искренности, в которой мог смело потягаться со своим собеседником, начал с того, что мол, он решил отбросить в сторону вся-

---

* Архив вн. пол., К. 147, № 6, Brunnow — Nesselrode, Paris le 7/19 fevrier 1856.

** Архив вн. пол., К. 147, № 10. Orloff — Nesselrode, Paris le 10/22 fevrier 1856. Телеграфная депеша.

*** Архив вн. пол., К. 147, № 11. Orloff — Nesselrode, Paris le 12/24 fevrier 1856.

кие хитрости и дипломатические извороты (sans reserve, sans detor et sans finesse diplomatique) и изложит сущую правду. Он прямо расскажет императору, — на что Россия согласится и что она отвергнет. Во-первых, Россия согласна — на установление полной свободы торгового плавания по Дунаю для всех наций. При этом Россия согласна срыть укрепления в Измаиле и Килии с тем, чтобы и Турция снесла укрепления в Мачине, Тульче и Исакче. Острова в дельте Дуная не должны быть заняты никем из держав. Во-вторых, Черное море будет объявлено нейтральным, согласно уже состоявшемуся плану. В-третьих, «определение границ между Молдавией и Бессарабией должно стать предметом углубленного рассмотрения». Но при дальнейшем обсуждении этого вопроса должно будет принять во внимание, что русская армия в настоящий момент занимает Карс и часть турецкой территории, — и Орлов тут же дал понять, что возвращение Карса и будет с русской стороны компенсацией за уступки, которые противники должны будут сделать России при определении бессарабских границ.

Наполеон III, выслушав все это, спросил: «А согласились ли бы вы не выстроить снова Бомарзунд?» Орлов на это ответил: «Я знаю, что ваше величество придает важность этому пункту. Поэтому я не колеблясь заявляю, что мой августейший государь не выдвинет в этом деле никаких препятствий». Единственная оговорка, которую при этом сделал Орлов, заключалась в том, чтобы относительно Бомарзунда русское обязательство не было включено в текст общего Мирного договора, а составило предмет особого соглашения.

Наполеон III после этого заговорил об императоре Николае I, пожалел, что такие у него с покойным вышли разногласия и т. д. А потом вдруг спросил Орлова: «Я хотел бы знать ваше мнение о Венском трактате. Обстоятельства внесли большие изменения. Если же дело шло о том, чтобы подвергнуть его пересмотру, я хотел бы уяснить себе ваши суждения по этому поводу?» Орлов знал о чем идет речь: Наполеон III хотел собрать специальный конгресс держав для торжественной отмены тех пунктов Венского трактата и специальных к нему добавлений, которые касались исключения династии Бонапартов из французского престолонаследия. Собственно, трудно было понять, зачем это было нужно ему, уже царствующему государю, признанному всеми правительствами земного шара. Но он хотел, по выражению дипломата одного из второстепенных дворов, чтобы «Европа сама себе плюнула в лицо», торжественно признав свою «ошибку» 1815 года. Орлов ответил, что он не уполномочен высказываться по этому вопросу. Наполеон не настаивал, а перешел к Италии и Польше. Нужно что-нибудь сделать для Италии. Орлов, конечно, мог только порадоваться, видя, что французский император собирается рано или поздно схватить за горло Австрию. Но от угнетенной Италии Наполеон перешел к Польше: «Эта бедная Польша, религия которой подвергается напа-

дениям». Не могло ли быть проявлено милосердие царя к католической церкви и к большому количеству «несчастных, увлекшихся политическими заблуждениями?».

Орлов ответил, что католическая церковь в Польше вовсе не притесняется. Что же касается политических «преступников» польских, то Орлов «думает», что царь намерен дать амнистию при своем предстоящем короновании. Император поспешил заключить словами, что он считает этот обмен мнений «простым разговором» *.

В одном из первых же, непосредственно к Александру II направленных докладов графа Орлова, Алексей Федорович говорит: «Начиная с моих первых сношений с императором Наполеоном, я получил глубокую уверенность, что главный план, которому я должен был следовать для выполнения возложенной на меня вашим величеством миссии, заключался в том, чтобы вполне заручиться доверием этого государя, личное воздействие коего одно только было в силах дать нам поддержку против систематической враждебности других наших противников». Орлов считает, — объективно он совершенно прав, — что ему удалось достигнуть поставленной цели **.

Император французов предложил Орлову «в трудных случаях», какие будут возникать на конгрессе, обращаться непосредственно к нему. И в первый же раз, когда Орлов счел уместным воспользоваться этим разрешением (по поводу споров с англичанами и австрийцами о границах Бессарабии), Наполеон III, перейдя от частного вопроса к совсем другому предмету, стал говорить «о чувствах глубокого уважения, которые он, несмотря на войну, питал к императору Николаю достославной памяти и о восхищении, которое ему всегда внушал великий характер (Николая)». После этого вступления Наполеон III пустился в интимные воспоминания из своей жизни, о своем заключении в крепости Гам (при Луи-Филиппе) и т. д.

Беседа велась в доверительно-дружественных тонах. Со стороны очень замкнутого, совсем неразговорчивого, никогда ничего спроста не говорившего императора французов, подобного рода прием и беседа с послом враждебной державы были решительно необычны и знаменовали многое.

Умный и тонкий Орлов сопоставил это с другими очень показательными симптомами: «... Поистине я должен сказать, что я нисколько не ожидал приема, который меня тут встретил. Я осмеливаюсь сказать, что этот прием был блестящим не только со стороны императора, но и со стороны всей нации. Военные симпатии и желание установить братство по оружию с Россией, несмотря на обстоятельства, превзошли все мои надежды и в

---

* Архив вн. пол. К. 147, № 18. Orloff — Nesselrode, Paris le 19 fevrier — 2 mars 1856.

** Г. А. Ф. К. Э. Гос. архив XV. Письма Орлова императору. Project d'une lettre á S. M. l'Empereur á St.-Petersbourg (S. d.).

самом деле не оставляли ничего желать». Наполеон III не переставал осыпать графа Орлова всевозможными любезностями и с глазу на глаз и публично. Конечно, англо-французский союз еще продолжал существовать, и это обстоятельство не позволяло Наполеону итти дальше известного предела в поддержке русской делегации на конгрессе.

А положение было временами крайне тягостным, и Орлов не скрывал от Петербурга, как ему и Бруннову трудно приходится бороться с Кларендоном и графом Буолем. Орлов возлагал надежды на Наполеона не только в настоящем, но и в будущем: «если мир будет подписан, я нисколько не сомневаюсь, что император Наполеон употребит все возможные средства, чтобы сделать более тесным наш будущий союз».

«Но для Орлова ясно, что Наполеон по ряду соображений не пожелает разрывать и того союза, который его связывает с Англией» *.

В Австрии с очень большим беспокойством следили за этим явно и быстро прогрессировавшим дружелюбием Наполеона III по отношению к России. Известия об этой тревоге венского кабинета дошли до Петербурга, и канцлер счел долгом информировать об этом графа Орлова. В Вене собирались предложить императора Франца-Иосифа в крестные отцы ребенка, которого должна была в ближайшие дни родить императрица Евгения, приготовляли обмен визитами между Францем-Иосифом и Наполеоном III и т. д. Все это по мысли графа Буоля должно было скрепить союз Австрии с Францией. Но Александр II, приказывая уведомить обо всем этом Орлова, в то же время вовсе не желал пускаться в какие-либо активные интриги с целью помешать австрийцам: Орлову напоминали, что царю потребуется лишь ускорить заключение мира, и поэтому не следует раздражать даже и австрийцев **.

Граф Орлов обнаружил свою проницательность едва только начались переговоры: он прежде всего пожелал узнать (и узнал) через Валевского, еще до начала официальных заседаний конгресса, что именно имелось в виду, когда России навязали таинственный «5-й пункт» в качестве одного из прелиминарных условий? Это привело, как выразился Орлов в своем донесении канцлеру Нессельроде, к «открытию величайшей важности». Оказалось, что английский кабинет желает поставить под вопрос «все русские территориальные владения по ту сторону Кубани»: имелось в виду заставить Россию согласиться либо на независимость всех этих земель, либо на отдачу их Турции. И тут же Валевский успокоил Орлова: император Наполеон отказался по-

---

* Г. А. Ф. К. Э., Гос. Архив. XV. Письма Орлова императору. Project d'une lettre á S. M. l'Empereur á St.-Petersbourg (S. d.).

** Архив вн. пол. К. 152. Nesselrode — Orloff le 9 février 1856 (21 février 1856). Помета Александра II сверху: «Быть по сему».

могать англичанам в этом домогательстве. Узнав об этом, Орлов, как он пишет, признал бесспорную заслугу Наполеона перед Россией: русский уполномоченный понял, что если Англия в самом деле предъявит это требование, то следует категорически отказать, и ничего отсюда дурного не выйдет *. Без Наполеона III Англия ни в коем случае продолжать войну не может и не будет. Тут нужно заметить, что граф Валевский по всем видимостям играл двойную игру: он не мог не знать, что Пальмерстон уже отчаялся в исполнимости своих давних воинственных намерений и что лорды Кларендон и Каули, близко наблюдая, как с графом Орловым обходятся при Тюильрийском дворе, конечно, понимают всю безнадежность предъявления подобных требований. Но вместо того, чтобы во-время категорически заявить Англии, что Наполеон не будет ее поддерживать в вопросе о Кавказе, Валевский предпочел довести дело до столкновения на самом конгрессе между англичанами и русскими с целью покрепче их перессорить, на всякий случай, и представить затем Наполеона III великодушным спасителем русского владычества на Кавказе. Точно так же Орлов уже наперед знал от Валевского, что Наполеон не желает требовать от России формального обязательства о невосстановлении черноморских фортов на Кавказе. Значит, и тут можно будет решительно отказать англичанам и туркам. Уже эти предварительные зондирования почвы и интимные разговоры с графом Валевским, и самые первые заседания конгресса дали графу Орлову материал для решения центральной, колоссальной важности проблемы: хочет ли или в самом деле, всерьез, не хочет продолжения войны Наполеон III? Все время, почти вплоть до середины марта, Орлов бился над разрешением этой основной задачи, пока не пришел к окончательному ее решению. «До сих пор император Наполеон, своим поведением и своими заявлениями, свидетельствовал о своем желании прийти к заключению мира. Если бы он не желал мира, он бы воздержался от сдерживающего влияния относительно требований Англии, именно, касательно 5 пункта прелиминариев. Тогда переговоры безусловно были бы провалены. Наш отказ согласиться на несправедливые притязания британского правительства положил бы конец переговорам, и притом ответственность за их разрыв не пала бы на императора Наполеона. Одним словом, если бы он войну предпочел миру, то ему было бы достаточно только хранить молчание. Он этого не захотел. Он вмешался активно, ловко, настойчиво, чтобы умерить то исключительные намерения Англии, то своекорыстные расчеты Австрии. Он проводил этот арбитраж не только в направлении, наиболее благоприятном для заключения мира, но еще и с целью дать справедливое удовлетворение нашим прямым интересам» **.

---

* К. 147, № 31. Paris le 28 février — 11 mars 1856. Орлов — Нессельроде.
** Там же.

Первое заседание пленума Парижского конгресса состоялось 25 февраля 1856 г. Вступительная речь избранного немедленно и единогласно председателем графа Валевского звучала очень примирительно и выражала твердую уверенность в предстоящем успехе начинающихся совещаний и в близости мира. Пленум постановил, согласно желанию графа Орлова, никакого особого прелиминарного трактата не вырабатывать, а просто зачитать и, приняв, снабдить подписями протокол о согласии России на 5 пунктов, составленный в Вене и помеченный 1 февраля 1856 г. Затем постановлено было объявить о прекращении военных действий и перемирии сроком на четыре недели, с тем, чтобы этот срок мог быть по истечении четырех недель продолжен. Орлов просил занести в протокол, что не Россия, а другие, ведущие войну державы предложили перемирие по своей инициативе. Перемирие касалось лишь сухопутных армий, но не флота. Другими словами, ни Англия, ни Франция не желали немедленно же отказаться от блокады русских берегов. Но, согласно желанию Орлова, было постановлено, что начальникам эскадр будет послано немедленно приказание воздерживаться от каких бы то ни было агрессивных действий против русского побережья *.

Наконец, опять-таки по предложению графа Орлова, конгресс постановил, что безотлагательно со следующего же заседания приступит к выработке окончательного мирного «договора». Это было сделано, — поясняет в своем донесении Орлов, — с целью содействовать скорейшему заключению мира. На этом и окончилось первое заседание. Впечатление графа Орлова от первого заседания осталось хорошее **. Председатель, граф Валевский отнесся к России самым примирительным и предупредительным образом. Представители других держав — Англии, Австрии, Сардинии — пробовали, но довольно слабо, вступить в полемику, однако, сейчас же прекратили. Перед закрытием первого заседания граф Валевский весьма внушительно предложил участникам конгресса хранить в полнейшей тайне все, происходящее на заседаниях, и, кроме того, не посылать своим правительствам никаких писем и донесений по почте, а непременно с нарочными курьерами.

Эта настойчивость графа Валевского имела свои мотивы. Французской дипломатии предстояло не очень легкое дело. Наполеон III желал, во-первых, предотвратить всякое серьезное ослабление России и помешать тем самым излишнему усилению Англии и, во-вторых, — сделать это так, чтобы Англия не была слишком раздражена и не порвала бы свои союзные с Францией отношения. Требовалось, таким образом, начать дружбу с Александром II, не приканчивая этим самым дружбы с лордом Пальмерстоном. При этих обстоятельствах еще можно было вы-

---

* Архив вн. пол. 147 № 12 copie d'une dépêche télégraphique secrète du c-te Orloff, Paris, le 13/25 fevrier 1856; Extrait du Protocole Paris le 13/25 février 1856.

** К. 147, № 19 Орлов — Нессельроде. Paris le 19 fevrier — 2 mars 1856.

нудить у британского правительства те или иные уступки и отказ от первоначальных требований. Но для этого прежде всего необходимо было обеспечить и Пальмерстона, и английских уполномоченных на конгрессе лордов Кларендона и Каули от нападок и травли со стороны шовинистической части английской прессы. Нужно было поставить прессу и парламент уже перед совершившимся фактом, не давая им возможности агитировать в течение времени, когда конгресс еще только будет вырабатывать свои решения.

Второе заседание пленума конгресса произошло 28 февраля. Оно имело характер предварительного, общего обсуждения некоторых намеченных тем и обмена мнений. Орлову удалось провести согласие пленума на то, чтобы вопрос о количестве вооруженных сил на Черном море был решен по двустороннему соглашению между Россией и Турцией, — и уж потом был бы передан на утверждение конгресса. Орлов, поясняя этот шаг в донесении графу Нессельроде, утверждал, что такого рода процедура выгоднее для России. В этом же заседании Орлову удалось, при поддержке председателя графа Валевского, достигнуть постановления конгресса о том, что вопрос, касающийся судьбы Дунайских княжеств, будет решен на пленуме лишь в принципе, в общих основных чертах, а подготовка окончательного решения будет передана особой комиссии, которая будет действовать уже после окончания конгресса и затем представит свои заключения на санкцию держав. Графу Орлову казалось нужным отсрочить окончательное решение потому, что сейчас, во время заседаний конгресса, еще все-таки слишком сплоченным фронтом выступали противники России, — а с течением времени, даже уже спустя несколько месяцев, многое могло перемениться, сближение России с Наполеоном III могло за этот промежуток очень и очень прогрессировать. А с другой стороны, все-таки России было выгодно, чтобы принципиальное решение о Молдавии и Валахии было принято конгрессом пока он заседает, и чтобы Австрия при этом ровно ничего не получила. И Орлову удалось уже в этом втором заседании добиться согласия пленума на такого рода способ рассмотрения вопроса о Дунайских княжествах. Обсуждался в этом заседании и вопрос о христианских подданных Турции и правах христианских церквей. Великий визирь Али-паша заявил, что султан издал хатти-шериф, обеспечивающий полнейшую свободу всех христианских вероисповеданий, — и поэтому конгрессу будет достаточно принять этот факт к сведению, и только граф Орлов протестовал. Он хотел, чтобы о христианских церквях в Турции было особое постановление конгресса, т. е. чтобы религиозная свобода обеспечивалась не простым волеизъявлением султана, а обязательным для Турции решением конгресса. Но в этом Орлов успеха не имел. Впрочем, самый вопрос не имел даже и тени серьезного, реального значения в тот момент. Русский представитель хотел лишь как бы почтить память Николая I и сделать вид, будто

больше всего Россия занята судьбами православия в Турции. Сам же граф Орлов был ими озабочен в минимальной степени. Он удовольствовался тем, что конгресс, по его предложению, решил, что при окончательном редактировании текста мирного договора о религиозных делах в Турции будет сказано на первом месте *.

Это второе заседание имело, таким образом, как бы распорядительный, предварительный характер. Говорилось больше о процедуре, о том, в каком порядке будет происходить обсуждение. Конечно, и тут уже не обошлось без некоторой дискуссии по существу. Но, уже начиная с третьего заседания пленума, происходившего 1 марта, позиции обеих сторон стали выявляться вполне определенно.

Вопрос о Бессарабии очень уточнил позицию противников. В отнятии у России, по возможности, всей Бессарабии была заинтересована прежде всего Австрия, а вовсе не Англия. Но так как английская делегация, в свою очередь, нуждалась в поддержке требований касательно Черного и Азовского морей, срытия укреплений и уничтожения верфей в Николаеве, — то лорд Кларендон и лорд Каули сочли уместным оказать Австрии деятельную поддержку и упорно боролись против предложения русских делегатов оставить Бессарабию целиком за Россией, а возвращение Карса туркам считать за справедливую компенсацию. Конечно, этот острый вопрос должен был выяснить и позицию Наполеона III, давно уже беспокоившую англичан.

К первым дням переговоров (без обозначения точной даты) относится сохранившееся в архиве внешней политики письмо Бруннова к председателю конгресса графу Валевскому, показывающее, что этот вопрос об уступке бессарабской территории в самом деле был в тот момент, может быть, наиболее болезненным из всех для русской дипломатии. «Мой дорогой граф! Вот мы и дошли до того пункта, когда переговоры рискуют оборваться. Вы сами были свидетелем того упорства, с которым англичане отвергают принцип справедливой компенсации в обмен на возвращение Карса». Бруннов просит Валевского довести обо всем происходящем до сведения императора Наполеона. «Я убежден, что только сам император может в эту минуту оказать спасительное влияние на исход переговоров» **.

28 февраля граф Орлов испросил аудиенцию в Тюильри, — и Наполеон III пригласил его на обед. Беседа была «очень долгой и дружественной», как докладывал об этом Орлов в Петербург. Орлов начал с обильных изъявлений признательности за ласковое отношение императора к русской делегации, за манифестации симпатии и дружбы со стороны французского общества и т. д. А затем перешел к делу. Орлов объяснил, что пришел момент,

---

* Архив вн. пол. К. 147, № 21. Orloff — Nesselrode, Paris le 19 février — 2 mars 1856.

** Арх. вн. пол. К. 147, Бруннов — Валевский. Без даты.

когда он принужден обратиться за помощью к императору Наполеону. Претензии англичан и всяческие затруднения со стороны Австрии становятся такими, что, может быть, ему, Орлову, придется прервать совещания (suspendre les conférences). Император Александр (продолжал Орлов) полагал, что, возвращая Турции завоеванный русскими Карс, он вправе рассчитывать, чтобы за Россией полностью была сохранена Бессарабия. И вот, теперь Россия ждет, что император Наполеон III поддержит ее в этом вопросе против Англии и Австрии.

Наполеон III внимательно слушал. От его ответа зависело очень многое и в судьбах конгресса и в будущих дипломатических комбинациях. Он начал свой ответ с того, что наговорил много любезностей по адресу графа Орлова, поблагодарил его за прямой образ действий и прибавил, что и его собственный ответ тоже будет вполне искренен.

Наполеон сказал Орлову, что он, действительно, считал, что Карс достаточная компенсация за Бессарабию, но в «сопротивлении со стороны Англии и Австрии он встретил почти непреодолимые препятствия». Император сообщил, далее, что ему стоило больших усилий категорически отклонить такие чрезмерные притязания Англии, как требование разрушения Николаева, претензии касательно Азовского моря и другие требования, оскорбительные для России. Но что в вопросе о Бессарабии он не может совершенно порвать со своими союзниками. Он очень хочет в будущем «истинного союза» с Россией, но «он желает действовать осторожно и ничего не компрометируя». Император прибавил, что он прикажет своим министрам поддерживать Россию во всех вопросах, касающихся уточнения новой русской границы в Бессарабии.

Больше ничего Орлов не добился. Было ясно, что порывать союза своего с Англией Наполеон не желает, хотя с Австрией он считаться бы и не стал. И, вместе с тем, Наполеон ничуть не скрыл, что сближение с Россией для него задача ближайшей политики.

Вывод для Орлова был несомненен: он посоветовал царю примириться с потерей Бессарабии *.

Повидимому, однако, Пальмерстон вовсе не склонен был так легко расстаться со своей старой мечтой о «независимости» Кавказа. Когда наступило третье заседание пленума (1 марта), — то здесь Кларендон, явно уже успевший получить после совещания у Валевского новые инструкции из Лондона, снова поставил вопрос о русских владениях на Кавказе и соединил этот вопрос с другим, — с судьбой русских фортов на Черноморском побережьи Кавказа. Четыре часа сряду продолжался спор на заседании пленума. Орлов снова решительно отверг все домогательства. Дело в том, что накануне заседания (на третий день

* Архив вн. пол., К. 147, № 22 10 Orloff — Nesselrode, Paris le 19 février — 2 mars 1856.

после частного совещания у Валевского) Орлов получил, как всегда бывало в трудных случаях, приглашение на обед в Тюильрийский дворец. После этого свидания Орлова с Наполеоном русская делегация имела полное право считать свое дело относительно Кавказа выигранным. Орлов не только отказался от каких бы то ни было уступок, но не пожелал допускать каких бы то ни было обязательств России относительно фортов на кавказском побережьи. Точно так же Орлов ответил полным отказом и на требования, касавшиеся Николаева. Барон Бруннов в своем донесении канцлеру Нессельроде не скрывает своего удовлетворения по поводу этих успехов русской делегации, и он категорически приписывает их скрытому за кулисами, но всемогущему дирижеру конгресса: «Если мы достигнем мирного окончания, то бесспорно императору Наполеону принадлежит большая доля в этом результате... без его личной поддержки нам не удалось бы положить границы английским требованиям... В этом отношении я вам скажу, достоверно зная факты, что, перенося мирные переговоры в Париж, наш августейший повелитель избрал единственное возможное средство (le seul moyen possible, — подчеркнуто в рукописи), чтобы совершить дело мира. Каждый день я имею случай убедиться в этой истине. Валевский наш помощник (auxiliaire. — Подчеркнуто в рукописи) в переговорах» *. Затрагивались на этом заседании снова и другие вопросы (о границах Бессарабии, о султанском хаттишерифе), но были перенесены на будущие собрания пленума.

На краткой телеграмме Орлова, передающей результаты третьего заседания, Александр II сделал карандашную помету: «Таким образом еще ничего решительного!» ** Но царь был неправ. Уже после этого заседания стало выясняться, что русские потери от тяжелой, неудачной войны будут несравненно меньше, чем можно было опасаться. В этом отношении Орлову и Бруннову уже после этого заседания 1 марта многое было видно, чего еще нельзя было тогда разглядеть из Зимнего дворца.

В заседании 1 марта сначала был поставлен и быстро решен вопрос об Аландских островах. Граф Орлов объявил, что Россия согласна впредь не укреплять Аландских островов и не создавать там никаких морских или военных учреждений. Но Орлов потребовал, чтобы об Аландских островах было подписано особое соглашение только Россией, Францией и Англией, без всякого участия других участвующих в конгрессе стран. Буоль предложил тогда, чтобы это особое соглашение, по крайней мере, было «прибавлением» к общему мирному трактату. Орлов согласился. Затем, в том же заседании 1 марта был поставлен вопрос о «территориях на восточном берегу Черного моря».

---

* Архив вн. пол. Папка: «Письма барона Ф. Бруннова».

** Paris, 19 février — 2 mars 1856. «Ainsi rien encore de decisif. Арх. вн. пол. К. 147. Copie d'une dépêche télégraphique secrète du comte Orloff, Paris le 18 février — 1 mars 1856.

Турецкий представитель Али-паша предложил обсудить вопрос об «исправлении границ» между Турцией и Россией. Русские уполномоченные этому воспротивились, и вопрос был отложен, причем Валевский высказал мысль (принятую русскими) о том, чтобы это дело было поручено особой «смешанной комиссии» уже после заключения мира. Другими словами — Орлову удалось похоронить этот вопрос.

Что касается Карса, то русские уполномоченные согласились возвратить его Турции. Валевский, закрывая это заседание, воздал хвалу «примирительным настроениям» русских представителей *.

Собственно, именно в этом третьем заседании Парижского конгресса обнаружилось, что на конгрессе действуют не две, а три стороны: Россия, англо-австрийская дипломатическая комбинация и Наполеон III.

Тут впервые обнаружилось, что надежды графа Орлова блестяще оправдываются, и что дело не ограничится постоянными милостивыми приглашениями первого русского уполномоченного во дворец к обеду и долгим послеобеденным курением папирос в императорском кабинете с глазу на глаз, что уже давно и очень жестоко беспокоило как Лондон, так и Вену. В первый раз именно в ходе этого третьего заседания выяснилось, что Наполеон, не пожелав быть официально председателем конгресса и назначив вместо себя своего министра иностранных дел графа Валевского, поступил необычайно умно и целесообразно: делая на конгрессе руками графа Валевского решительно все, что мог бы сделать он сам при своем личном председательстве, император французов в то же время еще сохранил за собою, правда, неофициально, роль некоего суперарбитра, верховного судьи конгресса, нелицеприятного миротворца, успокаивающего взволнованные страсти и, вообще, благодетеля европейского человечества.

А как именно ему надлежит использовать такую ловко занятую позицию — это было Наполеоном III решено, конечно, не вчера. Недаром лорд Пальмерстон содержал в Париже еще в течение всего последнего периода войны целый штат великосветских шпионов и осведомителей, главной функцией которых было внимательно следить за изменчивыми настроениями его величества. Когда поздней осенью 1855 года, после падения Севастополя, вдруг обнаружилось, что Наполеон III не желает дальше воевать, — то в Европе были этим изумлены многие дипломаты, но не лорд Пальмерстон: английскому премьеру его агенты уже давно донесли о тех тайных сношениях через вторых (и даже третьих) лиц, какие ведутся между Наполеоном III и русским правительством.

---

* Архив вн. пол. К. 147, Paris 1856 № 422, Protocole № III Séance du 1 Mars 1856.

Теперь, на конгрессе, Наполеон III последовательно продолжал то, что он начал осенью 1855 года. Усиливать Англию он не хотел ни в каком случае, и уж поэтому всякое чрезмерное ослабление России казалось ему вредным. И помимо этого соображения для Наполеона III ни малейшего смысла возбуждать к себе враждебные чувства нового царя не было, решительно ничего ему от России не было нужно, ни в чем интересы Франции и России не расходились. Что же касается Австрии, то здесь мотивы поведения Наполеона на конгрессе были еще более ясны. «Австрия занимает почетное положение выжатого лимона во время чаепития», обмолвился весной 1856 года один брюссельский журналист: в Париже ему бы не позволили выражаться в подобном тоне, потому что Наполеон III никогда не разрешал своей прессе издеваться над теми, кого он обманывал. Но по существу бельгиец был, конечно, прав. Из Австрии Наполеон извлек во время войны все или почти все, что хотел. Теперь она ему была совершенно не нужна. Но хуже всего для Франца-Иосифа было другое: итальянские владения Австрии — Ломбардия и Венеция теперь, после Крымской войны, находились под прямым ударом Наполеона III. Захочет ли он их присоединить к своей империи, или создаст из них какое-нибудь вассальное государство, или обменяет их на что-нибудь, — это для Австрии было уже делом третьестепенным. Важно было лишь то, что теперь австрийское владычество в Италии повисло на волоске. В самом деле, где искать защиты? В России ненавидели Австрию за ее поведение и не только не могли помочь ей в любой беде, но скорее готовы были поддержать любое нападение, направленное на нее. Англия была далека, да и не стала бы она воевать против Наполеона III из-за сохранения австрийского владычества на Апеннинском полуострове. И при этих-то условиях, всецело завися от воли Наполеона III, австрийским уполномоченным графу Буолю и барону (впоследствии графу) Гюбнеру приходилось домогаться у французского императора еще какой-то награды за дипломатическую помощь союзникам во время Крымской войны. Конечно, ровно ничего они достигнуть не могли. Каждое новое заседание конгресса убеждало австрийцев, что ничего они не получат ни в Дунайских княжествах и нигде вообще. Вялая поддержка Англии на конгрессе была далеко недостаточна для австрийской делегации.

Конечно, при этих условиях, если Австрия являлась наиболее ненавидимым и раздражающим врагом России на конгрессе, то ее вражда сама по себе никакой опасности не представляла. Орлову и Бруннову хотелось еще до пленума 1 марта поточнее узнать нечто, более существенное: каковы именно инструкции от Пальмерстона, с которыми прибыла в Париж английская делегация. Поэтому еще перед официальным третьим заседанием граф Валевский пригласил к себе на дом Орлова, Бруннова, лорда Кларендона и лорда Каули, «для конфиденциального разговора в отсутствии графа Буоля и уполномоченных Турции и Сарди-

нии *». Свидание привело к таким спорам, что, если верить Орлову, то ему даже показалось, будто дело дойдет до срыва конференции. Но это он явно пишет больше для возвеличения своих заслуг перед царем: вовсе дело так остро не стояло. Обсуждался именно тот «таинственный» пятый пункт прелиминарного венского соглашения, который давал право участникам конгресса возбуждать во время заседаний «в интересах Европы» новые вопросы, т. е. другими словами, предъявлять новые требования России. Оказалось, что Кларендон заговорил о судьбах и желательном устройстве Имеретии, Гурии, Абхазии, Мингрелии, Черкесии. Орлов категорически отказался пускаться в обсуждение вопроса об этих странах. Поддержка Наполеона III была ему в этом вполне обеспечена. Не затем Наполеон III воевал, чтобы обеспечить за Англией или за Турцией Кавказ и этим упрочить в Персии английское преобладание. Но нужно сказать, что и сам Кларендон явно не считал исполнимым этот давнишний проект Пальмерстона, который был бы очень трудно исполним, даже если бы война продолжалась. Кларендон тут говорил, повидимому, больше для очистки совести перед начальством. По крайней мере, английский уполномоченный как следует вовсе и не подготовился к этому спору и очень путался в кавказской географии, ибо толком не знал, где, собственно, все эти Абхазии находятся. Гораздо больше споров возникло из-за Карса. Орлов настаивал на том, что за возвращение Карса Россия имеет право требовать компенсации, англичане же отрицали это. Орлов уступил, потому что по поведению графа Валевского он понял, что Наполеон III в этом случае не поддержит русскую делегацию: Валевский сохранял во время спора «мягкое и пассивное положение» и казался в затруднении **. Окончательного согласия не было достигнуто. Отложили до пленума. Совсем легко прошел вопрос об Аландских островах: в России еще задолго до конгресса решено было не укреплять их после войны, а англичане ничего другого и не требовали.

Замечу, кстати, тут же, что истинное умонастроение лорда Кларендона выявилось несколько позже, в речи, которую он произнес 5 мая того же 1856 года, при обсуждении ратификации Парижского договора Палатой лордов. Когда правительству было поставлено в укор, что оно не отстояло «Черкесию» и отказалось от мысли потребовать запрета для России восстановить форты на Черном море, то Кларендон напрямик заявил, что не могла Англия требовать от России отказа от Адрианопольского мира 1829 г.; Кларендон тут же прибавил, что и отстаивать самостоятельность Черкесии англичане не имели основания, так как Шамиль не обнаружил во время войны никакого желания

* К. 147, № 20 Орлов — Нессельроде, Paris le 19 février — 2 mars 1856.
** Там же.

примкнуть к союзникам. Мало того, Кларендон прямо заявил о несочувствии своем австрийскому плану разграничения Бессарабии и, вообще, что настаивать на этом плане значило бы, просто, придираться к России. Затем Кларендон с большой хвалой отозвался о всем образе действий русских уполномоченных на конгрессе. Выступление Кларендона произвело на графа Орлова самое лучшее впечатление *.

Сообщение Орлова о том, как его приняли в Париже, произвело сильное и радостное впечатление в Петербурге. «Находясь во главе двух великих наций, между которыми не существует никаких противоречий в интересах и которые имеют много мотивов к сближению, оба государя вскоре увидят, при лойяльных и искренних объяснениях, как исчезнут случайные причины, их разъединившие» **. В такой топорнейшей французской прозе известил Нессельроде графа Орлова о настроениях Александра. Царь поручает Орлову высказать Наполеону III признательность за помощь, которую тот оказал русской дипломатии. Конгресс еще не был кончен в момент, когда писалось это письмо (т. е. 3/15 марта). Еще оставалось две недели до его завершения. Но общие контуры будущего трактата обозначились уже в достаточной степени.

В тот же день Нессельроде написал Орлову о решении Александра касательно будущих судеб Молдавии и Валахии. Решено было, согласно мнению самого Орлова, совершенно отступиться от каких бы то ни было прав и претензий, связанных с Дунайскими княжествами: «Молдаво-валахская нация дала слишком много доказательств своей неблагодарности за благодеяния, которые ей были сделаны ценой русской крови, чтобы мы еще и дальше проливали из-за нее свою кровь», — так велено было канцлеру Нессельроде написать в Париж графу Орлову ***.

Получив первые донесения Орлова из Парижа, Александр II был очень обрадован и крайне доволен уменьем старого ловкого русского царедворца вкрасться в милость к Наполеону III. «Наш августейший повелитель», писал Нессельроде Орлову, «мог только одобрить направление, которое вы дали происходящим негоциациям, заручившись добрым расположением и поддержкой императора Наполеона». Графу Орлову далее внушалось, чтобы он всячески поддерживал наметившееся намерение Наполеона завязать дружеские и «более интимные сношения с Россией ****.

---

* Архив вн. пол. К. 148. № 925. Paris le 7 mai 1856, Орлов — Горчакову.

** Г. А. Ф. К. Э. Госуд. архив, разр. XV, д. 325, Confidentielle St.-Petersbourg, le 3 mars 1856.

*** Г. А. Ф. К. Э. Гос. архив, XV, St-Petersbourg, mars 1856 Nesselrode — Orloff.

**** Архив вн. пол. К. 152. Nesselrode — Orloff, le 3 mars 1856 (Нессельроде — Орлову). Помета рукой Александра II: «Быть по сему».

Следующее, четвертое, заседание конгресса произошло 4 марта. Сначала уточнили вопрос о комиссии для исправления границ между Россией и Турцией. Решено, что в комиссию войдут: два турецких представителя, два русских, один английский и один французский, и что комиссия должна закончить свои труды в течение 8 месяцев после подписания мира. А затем граф Валевский поставил вопрос о «нейтрализации Черного моря». Но этот жгучий вопрос был решен по существу дела уже давно. Ведь именно о нем-то и шла речь, когда в Зимнем дворце в декабре 1855 года и январе 1856 колебались: итти ли на мир или продолжать отчаянную борьбу. Граф Валевский предложил такую формулировку двух главных пунктов этой статьи договора: «I. Черное море нейтрализовано. Открытые для торгового судоходства всех наций его воды и его порты формально и навсегда закрыты для военного флага прибрежных держав, а также любой другой державы, кроме исключений, обозначенных в настоящем трактате. Свободная от всяких препятствий торговля в портах и водах Черного моря будет подчинена только правилам, существующим в настоящее время. II. Так как Черное море объявлено нейтральным, то удержание или установление на его побережьи военно-морских укреплений становится ненужным и бесцельным. Вследствие этого его величество Султан обязуются не возводить и не сохранять на этом побережьи никаких военно-морских арсеналов».

Но тут лорд Кларендон сделал попытку принудить Россию разрушить морские верфи в Николаеве. Попытка эта была осуждена на неудачу. С формальной стороны Николаев вовсе не подходил к понятию порта, лежащего на Черном море, потому что он лежит вовсе не на Черном море, но на реке Буге. А по существу дела Орлов твердо знал, что Наполеон III не желает в этом случае поддержать англичан, следовательно, можно и должно категорически отказать Кларендону. Орлов это и сделал, но в очень сдержанной и примирительной форме. Затем прошел пункт, разрешающий России и Турции содержать известное количество легких судов морского флота *.

Уже 5 марта одна за другой были получены царем две телеграммы, накануне отправленные из Парижа. В них граф Орлов в сжатом телеграфном стиле сообщал о бесспорном своем дипломатическом успехе. Турки, поддерживаемые англичанами, настойчиво предлагали России проверку на месте русско-турецкой границы в Азии. Наполеон III советовал Орлову уступить по этому вопросу, — и Орлов уступил. Выгода была в том, что Наполеон III, поддержав в этом вопросе англичан и турок, мог зато свободно прийти на помощь России, как сейчас увидим, в другом, несравненно более важном пункте. Ведь проверка границы ровно никакого вреда России принести не могла (и в самом деле не принесла), ибо ни единого санти-

* Архив вн. пол. К. 147. Protocole № IV. Séance du 4 mars 1856.

метра русской территории русские туркам не отдали, — и все надежды турок — рушились через 8 месяцев, когда проверка границы была окончена. А зато, отдав эту платоническую дань англо-французскому союзу, Наполеон поддержал Орлова в решительном отказе русского уполномоченного обсуждать вопрос о независимости Черкесии и Мингрелии и другой опасный вопрос — о разрушении русских фортов на восточном побережьи Черного моря *. Омар-паша, впрочем, даже и не ожидая известий из Парижа, эвакуировал почти всю Мингрелию **.

Кларендон не успокаивался. В ближайшем заседании конгресса (6 марта) он спросил у Орлова и Бруннова, относится ли также к Херсону и к берегам Азовского моря уверение обоих русских уполномоченных, высказанное ими касательно Николаева (т. е. что Россия не намерена строить в Николаеве военный флот, хотя и не желает брать на себя никаких формальных обязательств относительно этого города). Орлов снова подчеркнул, что хотя ни к Херсону, ни к Николаеву, ни к Азовскому морю не относится формальный запрет, распространяющийся только на берега и воды Черного моря, но Россия не намерена строить военный флот также и в этих городах и на Азовском море. Приступили к статье о свободе торговой навигации по Дунаю. Решено было объявить полную свободу навигации по Дунаю, причем торговые суда всех наций избавлялись от каких бы то ни было поборов и налогов в связи с плаваньем по Дунаю. Вообще же решено было избрать постоянную комиссию из представителей держав для окончательного регулирования всех вопросов, связанных с плаваньем по Дунаю, с очисткой устьев от заносящего их песка и т. п. ***.

Накануне заседания, где должны были окончательно обсуждаться границы Бессарабии, граф Орлов решил прямо обратиться к Наполеону и сейчас же получил аудиенцию. Из разговора выяснилось, что император не может посодействовать русским в том, чтобы город Измаил был оставлен за Россией, но что он не будет поддерживать предлагаемого Австрией плана проведения новой границы (от Хотина до озера Салцык). Наполеон дал понять Орлову, как всегда, не уточняя своей мысли (да это вовсе и не требовалось), что русский уполномоченный может не уступать австрийцам и всей важной торговой линии Брезаны — Бельцы — Скуляны. На другой день после визита в Тюильри на заседании пленума конгресса 8 марта граф Орлов разговаривал с Буолем уже совсем по-другому, чем приходилось говорить с австрийцами раньше. Упорное сопротивление со стороны обоих австрийских уполномоченных Буоля и Гюбнера мало им помогло, хотя Кларендон их поддержал в этом ожесточенном споре. В общем Орлов мог вечером того же дня, после заседания, теле-

* К. 147, Первая телеграмма № 25, вторая № 26. Обе помечены: Paris le 21 février — 4 mars 1856».

** К. 152, Нессельроде — Орлову. 20 février — 1 mars.

*** Архив вн. пол. К. 147. Protocole № V, Séance du 6 mars 1856.

графировать в Петербург, что хотя Россия уступила Измаил и болгарские колонии, но спасена половина той бессарабской территории, которую русское правительство уже соглашалось уступить раньше, во время прелиминарных переговоров, происходивших в Вене. Это было достигнуто уже в день 8 марта, потому что дальнейшее обсуждение, отложенное на следующее заседание, должно было коснуться главным образом еще только той части новой границы, которая намечалась (по австрийскому плану) от холмов, расположенных к северу от озера Салцык, до озера Аниби, находящегося к востоку от того же озера. Но эта оспариваемая территория представляла собой болотистую равнину, «вероятно, не имеющую ценности» *.

В шестом заседании пленума конгресса, происходившем 8 марта, был решен (и, казалось, окончательно) очень щекотливый вопрос о новой границе Бессарабии, другими словами о размерах территориальной уступки России в пользу Молдавии. Протест Орлова и Бруннова против намеченной было (австрийцами и турками) границы не был поддержан Валевским полностью, то есть не была принята карта границы, начертанная и доложенная конгрессу бароном Брунновым и сводившая русскую уступку к совсем ничтожной величине. Но зато не была принята и австрийско-турецкая карта. Восторжествовало среднее решение, предложенное графом Валевским. Граф Буоль протестовал от имени Австрии, особенно горячо настаивая на том, что Россия теперь берет назад свое слово, отказывается от обещания, которое она дала, соглашаясь в январе на мир. Дело дошло до обмена довольно ядовитыми репликами между Буолем и Орловым, который, повидимому, в своих суждениях о графе Буоле соглашался на половину с бароном Мейендорфом и на половину с Бисмарком. Алексей Федорович соглашался с Мейендорфом, что Буоль подлец, и соглашался с Бисмарком, что Буоль глуп. Передавали, что однажды в пылу спора, в ответ на слова Буоля «вы забываете, что Россия — побеждена!» Орлов ответил: «России не мудрено это забыть, потому что она не привыкла быть побежденной. Другое дело вы, так как вас всегда все били, с кем только вы ни воевали».

Так или иначе, некоторый компромисс был найден, территориальная уступка России очень сократилась и конгресс перешел к вопросу о том, что же дальше будет с Молдавией и Валахией. Тут обозначились два течения. Австрия и Турция хотели, чтобы Молдавия и Валахия вели попрежнему отдельное политическое существование, не сливаясь воедино. Трудно понять, зачем это было нужно туркам. Не мог же не понимать Али-паша, что все равно туркам уже никогда не видать ни Молдавии, ни Валахии, будут ли они существовать вкупе или порознь. Но стремление Австрии было вполне понятно. Если Молдавия и Валахия

* Архив вн. пол. К. 147, № 28, Орлов — Нессельроде, Paris le 25 février — 8 mars 1856.

сольются в один политический организм, тогда Австрии очень трудно будет поживиться той или иной частицей либо молдавской, либо валахской территории. А рассчитывать, что все это будущее единое Молдаво-валахское государство полностью отдадут Австрии, Буоль уже не решался: слишком становилось явственно, что Орлов ни за что этого не допустит, и что у русских уже есть по этому вопросу какая-то сделка с Наполеоном, о которой они до поры до времени скромно молчат.

Как только началась дискуссия о будущей организации Дунайских княжеств, тотчас же и обнаружилось, что как председатель конгресса граф Валевский, так и русские уполномоченные решительно стоят за слияние Молдавии и Валахии в единое государство, будет ли оно называться впредь Румынией или как-нибудь иначе, все равно. Возгорелся большой спор между Валевским и Буолем. Буоль заявил, что молдаване это одно, валахи — это совсем другое и что ему известно, что эти два племени вовсе не хотят сливаться воедино. А граф Валевский возразил, что ему, например, это вовсе неизвестно, и, напротив, ему известно, что Молдавия и Валахия жаждут слияния воедино. Граф Орлов со своей стороны сообщил, что он имел возможность взвесить потребности и оценить пожелания Молдавии и Валахии и тоже находит, подобно графу Валевскому, что их следует соединить в одно государство.

Все спорящие одинаково и не подумали спросить население Молдавии и Валахии, чего, собственно, оно на самом-то деле хочет. Но против Валевского, за которым стоял Наполеон III, и Орлова, за которым стоял ненавидящий Австрию Александр II, австрийские уполномоченные были вполне бессильны. Спор был так упорен, что к концу заседания решено было отклонить окончательный вотум до следующего пленума *.

Орлов все-таки остался не очень доволен поведением председателя конгресса графа Валевского на заседании 8 марта. «Валевским овладел страх перед англичанами», так телеграфировал Орлов канцлеру Нессельроде вечером после заседания. Он решил принять экстренные меры и обратиться в Тюильри. Маститый граф Алексей Федорович, тонкий дипломат и лукавый царедворец, прошел за свою долгую жизнь очень хорошую практическую выучку по части наиболее целесообразного и умелого обращения с самодержцами в целях продуктивнейшего их использования. Николай Павлович тридцать лет подряд души не чаял в своем «Алешке», как он его называл, и сыну своему завещал его, и так до самой могилы не узнал, как часто и с каким вкусом многоопытный «Алешка» его водил и делал императорскими руками то, что хотел. С Наполеоном III графу Алексею Федоровичу справиться было, правда, труднее, но он быстро и успешно вник в дух и проник в тайны тюильрийского двора и во все оттенки настроений императорского окружения. Он сообразил,

* К. 147, Protocole № VI Séance du 8 mars 1856.

что Валевский страшится раздражить Кларендона и Каули слишком уж упорным и энергичным отстаиванием русских интересов, и что он не может и не хочет брать на себя полностью ответственность за возможный подрыв уже существовавшего и доказавшего свою мощь англо-французского союза во имя проблематического будущего союза франко-русского. Словом, Орлов счел нужным снова просить аудиенции у императора. Тут, повидимому, ему удалось сыграть на одной чувствительной струне, очень звучавшей в душе молчаливого хозяина: Орлов искусно, обиняками жаловался на графа Валевского, то есть на недостаточно усердное выполнение Валевским воли императора Наполеона, на слишком слабую поддержку, которую председатель конгресса оказал русским в деле разграничения Бессарабии. Основная задача заключалась в том, чтобы восстановить Наполеона против председателя конгресса, тонко указав ему, больше намеками, на непослушание Валевского. Эта цель была блестяще достигнута. Вернувшись из Тюильрийского дворца, граф Орлов телеграфировал немедленно в Петербург: «Аудиенция у императора. Он очень недоволен спором о границах (Бессарабии). Он мне объявил, что намерен снова пересмотреть этот предмет и пересмотреть его таким способом, чтобы наибольшая часть болгарских колоний осталась за нами». Алексей Федорович так ловко все это проделал, что вместе с тем ничуть не испортил и своих отношений с Валевским.

С Валевским было даже наперед условлено у Орлова: против каких желаний Орлова Валевский будет возражать для вида, чтобы не слишком себя обнаружить перед австрийцами и англичанами, и с чем он будет соглашаться на предстоящем собрании. Итак на новом заседании пленума, 10 марта, вопрос о бессарабских границах был вновь пересмотрен, и намечена была гораздо более выгодная для России граница, чем та, о которой шла речь 8 марта *. Участники конгресса, вероятно, без труда догадались, почему 10 марта вдруг снова почти полностью пересматривается вопрос, уже решенный в значительной своей части ровно два дня тому назад. По новым повадкам графа Валевского они сообразили, что председатель получил неожиданную инструкцию свыше и хитрит. Но подчинились.

В седьмом и восьмом заседаниях пленума (10 и 12 марта) уточнялось соглашение касательно тех немногих военных судов, которые отныне дозволялось России и Турции сохранять на Черном море, а также рассматривалась в окончательном виде новая граница, разрезавшая Бессарабию, условливались относительно будущих работ землемеров, которые должны фактически эту границу провести, и т. д. Конгресс приближался к концу. Настроение участников становилось все более и более примирительным, и 10 марта даже произошла очень друже-

* К. 147. № 29. Копия телеграммы графа Орлова канцлеру Нессельроде. Paris le 10 mars 1856

ственная манифестация. Лорд Кларендон обратился к графу Орлову с уверением, что он не сомневается в согласии России сохранить в целости под Севастополем и в других местах русской территории могилы павших воинов союзной армии и памятники, воздвигнутые англичанами и французами над кладбищами погибших в бою. Граф Орлов на это ответил, что он очень рад случаю удостоверить конгресс касательно соответствующих чувств, одушевляющих императора Александра, всецело идущего навстречу желанию английских уполномоченных *.

Если кого не коснулось это более мирное настроение конгресса, то, конечно, австрийских уполномоченных, как графа Буоля, так и Гюбнера. Дело в том, что с каждым заседанием для них становилось все яснее, что ни за что граф Валевский не хочет серьезного, обстоятельного, окончательного рассмотрения вопроса о Молдавии и Валахии. Ведь решить, что оба эти Дунайских княжества должны образовать единое государство, еще вовсе не значило определить реально: кто же будет этим государством владеть? Конечно, при все возраставшей близости графа Орлова к Наполеону III, при положении русской делегации, осыпаемой всяческими ласками со стороны Тюильрийского двора, нечего было и надеяться на отдачу Молдавии и Валахии австрийцам. И Гюбнер, человек умный, это уже давно понял. Но граф Буоль, которому природа в числе многих других даров отказала также в быстроте соображения, до последней минуты продолжал еще надеяться вопреки всякой очевидности. Это так ясно, когда читаешь протокол заседания конгресса 12 марта! Снова Валевский не поставил на повестку дня даже вопроса о Дунайских княжествах, и обсуждение касается лишь уточнений условий уже принятого конгрессом соглашения о торговом плавании по Дунаю. Но Буоль возбуждает один вопрос за другим, придирается, ставит ненужные препятствия. Он отказывается признать компетентность комиссии, состоящей из представителей держав, относительно всех вопросов, касающихся «верхнего Дуная». Это должно было повлечь нескончаемую дискуссию о верхнем, среднем и нижнем Дунае и привести к проблеме о каких-либо особых правах и привилегиях для Австрии. Но Валевский ловко оборвал начинавшуюся со стороны Буоля попытку обструкции **. А граф Валевский окончательно утвердился на той точке зрения, которую имел случай лишний раз высказать в заседании 10 марта: участь Молдавии и Валахии решит будущая специальная комиссия, а если рассматривать дело тут, на конгрессе, то это «может без достаточных мотивов замедлить выполнение главной задачи конгресса», т. е. заключение мира.

У Буоля оставалась еще слабая надежда на то, что конгресс

---

* Архив вн. пол. К. 148, № 47, Protocole № VII. Seance du 10 mars 1856.

** К. 148 № 47, Protocole № VIII, Séance du 12 mars 1856.

не заставит Австрию прекратить «временную оккупацию» княжеств. Пока австрийские войска там стоят, кто знает, нельзя ли будет этим воспользоваться? Как увидим, и тут графа Буоля ждало жестокое разочарование.

Граф Орлов и Бруннов употребили все усилия, чтобы оттянуть какое бы то ни было окончательное решение конгресса относительно судьбы Дунайских княжеств. Австрийский уполномоченный граф Буоль ничуть не отказывался от заманчивой надежды получить для Австрии богатую награду от милостей и щедрости Наполеона III в виде именно Молдавии и Валахии. «Иуда получил за свое предательство, как ц е н у к р о в и, всего тридцать сребреников, а в XIX веке ц е н а к р о в и возросла, и за кровь Николая Павловича Иуда просит оба Дунайских княжества», говорили в славянофильских салонах.

Но Буоль рассчитал без хозяина. Если Наполеон III должен был очень считаться с Англией, то уж зато с Австрией ему совсем не казалось нужным стесняться: он-то ведь знал очень хорошо то, о чем еще мало кто догадывался в дни Парижского конгресса. Будущая война с Австрией была в главных чертах уже решена, как мы знаем теперь, в уме императора даже когда еще он так успешно принуждал Австрию подписать направленный против России договор 2 декабря 1854 года. Вот почему интимные беседы Орлова с Наполеоном III после частых обедов русского посла в Тюильри привели к неприятнейшей для Буоля неожиданности. Как раз когда после долгих (умышленных) проволочек председатель конгресса французский министр иностранных дел Валевский, наконец, 10 марта поставил на обсуждение (и сейчас же вновь отклонил) вопрос о княжествах, то он тут же вдруг дал знать, что император Наполеон желает, чтобы уже к 20 марта конгресс был закончен. А как же быть с Молдавией и Валахией? Когда же успеть выработать решение о них? Когда угодно, но только его величество желает, чтобы конгресс кончился через десять дней. Австрийский уполномоченный не знал тогда, что Наполеон III именно затем и не желает подробного рассмотрения вопроса о княжествах, чтобы затем, в порядке полного сюрприза, внезапно оглушить графа Буоля в самый последний момент решительным отказом отдать Австрии Молдавию и Валахию. Торжество графа Орлова в этом деле было полное. И недаром Бруннов, восторгаясь успехами своего шефа Орлова в Париже при дворе Наполеона III, писал графу Нессельроде в Петербург: «Работа нашей канцелярии превосходит мои надежды. В двадцать четыре часа было сделано дело целой недели» *.

И даже в остающийся короткий срок вопрос о Молдавии и Валахии почти не затрагивался по существу.

Только 10 марта конгресс решил, не взирая на упорное сопротивление англичан, допустить прусского представителя на

* Архив вн. пол., папка: «Письма барона Ф. Бруннова к К. В. Нессельроде». Paris 29 février — 11 mars 1856 г.

заседание. Мотивировалось это допущение тем, что Пруссия подписала в 1841 г. общий протокол великих держав о проливах и, следовательно, имеет право подписать и новый трактат, который должен заменить этот отменяемый протокол *. Орлов и Александр II считали это допущение Пруссии своей большой победой, но фактически ни малейшего для России толка это участие Пруссии в работах конгресса не имело. Прусские уполномоченные всячески заискивали перед Наполеоном III и перед теми же лордами Каули и Кларендоном, не желавшими так долго допускать на заседания.

Подводя к концу первой половины марта итоги своим впечатлениям, Орлов доносил в Петербург, что, по его наблюдению, взгляды английских уполномоченных менялись за время переговоров. Сначала они держали себя более решительно, а потом стали уступчивее. Объяснение этому факту Орлов находил в том, что Пальмерстон сначала очень уж боялся быть низвергнутым в парламенте, если результаты долгой и тяжкой войны окажутся не в соответствии с жертвами, принесенными английским народом. А с течением времени он убедился, что эта опасность ему не грозит. Когда же обнаружилось, во-первых, что русские ни за что не уступят по вопросу о Кавказе и о черноморских фортах, а во-вторых, что Наполеон III не желает поддержать эти требования, то Пальмерстон отступил. Из того, что мы знаем теперь, но чего не мог знать Орлов, когда писал свое донесение, явствует, что лично и Кларендон и Каули вовсе не разделяли и с самого начала переговоров, и даже до переговоров, — воинственного (не столько реального, сколько видимого) умонастроения лорда Пальмерстона.

Что касается австрийского представителя графа Буоля, то, по утверждению Орлова, он был обижен и раздражен уже тем, что по желанию Александра II мирные переговоры велись не в Вене, как сначала все ожидали, а в Париже. Затем, он очень раздражался, обижался, тревожился и завидовал, наблюдая демонстративно ласковый прием, который оказывали все время Орлову и император Наполеон, и весь двор, и салоны Парижа, и французская армия. «Это — беспокоит и устрашает Буоля. Он видит в этом предвестие более тесного сближения между Россией и Францией. Он знает, что от этого Австрия ничего не выиграет. Такое предчувствие и составляет для этого человека вполне заслуженную кару за содеянные им ошибки. Тут и укор за прошлое и страх за будущее» **. Буоль так боится, что уже стал искать сближения с графом Орловым. Любопытнее всего положение Турции, из-за которой якобы и происходило страшное трехлетнее побоище. «Оттоманские уполномоченные — в таком ничтожестве, которое внушает чувство сострадания» d'une nullité faite pour inspirer un sentiment de pitié ***

---

* Архив вн. пол. К. 147, № 34. Orloff — Nesselrode, le 11 mars 1856.

** К. 147, № 31 Paris le 28 février — 11 mars 1856.

*** Там же.

Александр II, лишь по донесениям Орлова следя за тем, что происходит в Париже, продолжал больше, чем Орлов и Бруннов в Париже, опасаться, что Молдавия и Валахия могут как-нибудь еще очутиться во власти Австрии. Поэтому его обеспокоило решение конгресса, разрешающее постройку крепостей в Дунайских княжествах. «Все это не очень утешительно», начертал царский карандаш на секретной телеграмме графа Орлова от 12 марта, в которой говорилось об этих будущих укреплениях. Орлов и Бруннов могли отнестись к делу гораздо спокойнее: они уже знали, что не видать Австрии Дунайских княжеств, и не Австрии придется воспользоваться этим разрешением строить в Молдавии крепости *.

13 марта Орлов обратился к графу Валевскому с такой же просьбой, с которой по его же поручению несколько раньше обратился барон Бруннов. Но Бруннов писал только о границе Бессарабии, а Орлов имел в виду целый ряд очень острых проблем. Первая проблема касалась тех же разграничений на левом берегу Дуная. Орлов хотел, чтобы этот вопрос был связан с вопросом о свободе торгового судоходства по Дунаю. «Император Наполеон одобрил это и обеспечил успех» русского предложения **. Второй вопрос касался вооруженных сил России и Турции на Черном море. «Личное влияние императора было с пользой пущено в ход для уничтожения препятствий, поставленных по этому делу Англией» ***. Третий вопрос—конвенция об Аландских островах. Здесь Орлову не удалось полностью отстоять свое предложение, лишавшее русское о б е щ а н и е касательно неукрепления островов характера о б я з а т е л ь с т в а. Но «причина была не в императоре Наполеоне. Оппозиция явилась из Лондона». Наконец четвертый вопрос (об обеспечении христианских подданных султана в их религиозной свободе) был решен, правда, не совсем так, как предлагал Орлов, но лукавый Алексей Федорович только прикидывался, что он очень по этому поводу огорчен. И при Николае, и, подавно, при Александре этот вопрос никогда не казался графу Орлову стоящим не то, что войны, а даже малейшей порчи дипломатических отношений. Граф Валевский передал Наполеону, что Орлов желал бы поместить в мирный договор «формулу», ставящую под реальный контроль держав положение христианских церквей в Турции. «Здесь содействие императора Наполеона не пришло мне на помощь. Я имею все основания думать, что он встретил неодолимую оппозицию со стороны британского правительства. За отсутствием личной поддержки со стороны императора самые ревностные мои усилия должны были оказаться бесплодными

* К. 147, № 36, Copie d'une dépêche télégraphique secrète du compte Orloff. Paris le 12 mars 1856.

** Архив вн. пол. К. 148 Orloff — Nesselrode, Paris le 20 mars — 1 avriél 1856.

*** Там же.

среди конференции, где, при нынешних обстоятельствах, русские уполномоченные оставались изолированными» *.

Собственно, после заседания 12 марта оставался еще целый ряд, правда, второстепенных, но все-таки очень важных вопросов, оставалось согласиться по ряду уточнений и формулировок, которые имели далеко не только внешний, стилистический характер. Но тут могущественное вмешательство императора французов быстро устранило все препятствия, несмотря на все усилия графа Буоля и барона Гюбнера, с одной стороны, лордов Кларендона и Каули, с другой. Уже 16 марта Александру II была доложена телеграмма Орлова, посланная накануне из Парижа: «Нам удалось превозмочь затруднения с английской стороны после четырех заседаний, каждое по шести часов. Вероятно, договор будет подписан через два или три дня. Наше положение здесь не оставляет желать ничего лучшего. Наполеон расположен к нам все лучше и лучше» **.

В заседании 14 марта по инициативе председателя графа Валевского прошло постановление пленума, которое должно было служить обязательной инструкцией для работ этой будущей комиссии. Постановление уже наперед ставило перед Австрией неодолимые затруднения. «Ничье исключительное право покровительства не будет впредь осуществляться над Дунайскими княжествами. Не будет ни исключительной (с чьей либо стороны) гарантии, ни особого права вмешательства в их внутренние дела» ***. И тут же было добавлено нечто такое, что совсем подрывало надежды Буоля на внедрение австрийской власти хотя бы в период временной оккупации. Пленум постановил, что впредь до окончания работ комиссии государственно-правовое положение княжеств будет пока прежнее: «Они будут продолжать пользоваться привилегиями и охраной, которыми они обладают, под суверенитетом Высокой Порты и под европейской гарантией». Комиссии предписывалось осведомиться о нынешнем состоянии княжеств, а султан приглашался созвать немедленно представителей «интересов всех классов общества» в обеих провинциях. Эти собрания («диваны» — один в Молдавии, другой в Валахии) изложат перед комиссией свои пожелания о будущей организации создаваемого нового государства. Комиссия же передаст затем все дело представителям держав, участвовавших в Парижском конгрессе.

Все это — в будущем. А пока: «будет организована национальная вооруженная сила с целью ограждения безопасности внутри (обоих княжеств) и охраны границ». Мало того. Предвидя, какой соблазн может представить для австрийцев присутствие их войск в Молдавии и Валахии уже в настоящий момент, конгресс уже наперед уничтожает всякий предлог для продолже-

* Архив вн. пол. К. 148, Orloff — Nesselrode, Paris le 20 mars — 1 avriél 1856.

** Архив вн. пол. К. 148. Copie d'une dépêche tél graphique secréte etc. Reçue le 16 mars 1856.

*** Арх. вн. пол. К. 148. Protocole № IX, Séance du 14 mars 1856.

ния австрийской оккупации: «Если бы внутреннее спокойствие в княжествах оказалось под угрозой или скомпрометированным, то гарантирующие державы согласятся с Высокой Портой о мерах для сохранения или восстановления законного порядка. Вооруженное вмешательство не может иметь места без предварительного согласия держав». Орлов мог окончательно торжествовать: добыча, из-за которой Франц-Иосиф в 1854 г. так неожиданно для Николая нанес ему удар в спину, награда из-за которой Буоль осмелился в 1855 г. грозить Александру II ультиматумом, эта богатая придунайская территория явно ускользнула от австрийцев. Наполеон III так ловко повел все дело, что Австрия даже не могла его обвинить в обмане, в коварстве: когда же он им обещал отдать Молдавию и Валахию? Где такой документ? Нет такого документа! Наполеон, правда, умел в 1854 г. и зимой 1855 г. сочувственно слушать, симпатично улыбаться и ласково помалкивать, когда барон Гюбнер при нем говорил, бывало, о княжествах. Но вольно же было австрийской державе принимать это за согласие императора французов подарить ей Молдавию и Валахию.

Конечно, меньше всего затруднений на конгрессе было с вопросом о религиозной свободе христианских подданных султана. Султан Абдул-Меджид издал хатти-шериф, гарантировавший всем христианским церквям в турецких владениях полнейшую свободу богослужения. Следовательно, отпадал сам собой и вопрос о положении православных.

Но Орлов никаких попыток оживить или воскресить этот вопрос и не делал, и Александр II его к этому вовсе и не побуждал. И Орлов, и царь прекрасно понимали, что религиозная сторона восточного вопроса и до, и во время Крымской войны играла роль лишь в качестве подходящего дипломатического инструмента, которым попеременно пользовались то Николай Павлович, то Наполеон III. Теперь — спорить было в данной области и не зачем и не о чем.

Редакционный комитет конгресса уже со средины марта погрузился в довольно трудную работу выработки окончательного текста мирного договора. Каждая статья вносилась комитетом на утверждение пленума конгресса, и здесь Орлов жаловался на замедлявшие ход дела «придирки» англичан *. Но английские уполномоченные, уже давно разгадавшие тайную игру Наполеона, не верили ни ему, ни Валевскому, ни, подавно, Орлову и Бруннову, и зная подавляющее влияние, какое имел председатель конгресса Валевский на редакционный комитет, естественно, искали подвоха и коварства в каждой фразе каждой статьи.

Оставались еще некоторые трудности. Например, Кларендон не сразу согласился на разрешение России и Турции держать на Черном море по шести больших пароходов, по четыре легких военных корабля, на чем настаивал Орлов. В конце концов со-

* К. 148, № 42. Телеграммы Орлова — Нессельроде, 7—19 марта 1856 г.

глашение было достигнуто, но кое в чем Кларендону все-таки удалось видоизменить первоначальный проект об этих судах, составленный Валевским и русскими уполномоченными *.

Уже 20 марта Орлов получил от Нессельроде телеграмму: «Император одобряет все, что вы сказали и сделали. Отсюда никакой палки в колеса не будет вам вставлено. Кончайте и подписывайте. Нам важно пораньше остановить дорогостоящие приготовления». На подлиннике телеграммы Александр II написал: «Быть по сему» **.

В последние дни конгресса обнаружилось ясно, что не только графы Орлов и Валевский, но и лорды Кларендон и Каули определенно хотят скорейшего заключения мира. Это сказалось и на конечной победе Орлова в довольно мелочном споре (возбужденном Пальмерстоном) о вооружении и размерах нескольких военных судов, которые отныне Россия и Турция могли держать на Черном море: Кларендон уступил. Это выразилось и в быстром и вполне благоприятном решении вопроса о снятии английской блокады с русских торговых портов еще до ратификации мирного договора *** и т. д. Одновременно Александр II разрешил свободный вывоз хлеба из русских портов ****. Точно так же еще до ратификации Англия и Франция распорядились об эвакуации своих войск из Керчи, Еникале, Кинбурна и Евпатории. Представители обоих правительств заявили о своем стремлении как можно скорее закончить эвакуацию. Что касается ухода австрийских войск из Дунайских княжеств, то он был возвещен торжественно и официально в самые первые дни после подписания мирного договора. Об этом постарался граф Валевский, зная, как это будет приятно русским представителям *****.

Утром 30 марта 1856 года все участники конгресса от имени представленных ими держав подписали Парижский мирный договор. Сто один пушечный выстрел возвестил об этом историческом событии столице Франции. Тотчас после подписания договора конгресс в полном составе отправился в Тюильри к императору. Наполеон III очень милостиво принял явившихся, причем все заметили, как особенно ласково и долго он говорил с графом Орловым, выделяя и отличая его перед всеми.

В 10 ч. 52 минуты вечера того же дня Александр II получил от Орлова телеграмму, извещавшую царя о великом событии ******. Долгая кровопролитная война, начавшаяся в 1853 году, наконец, отошла в область истории.

---

* Архив вн. пол. К. 148, № 41. Секретная телеграмма Орлова — графу Нессельроде. Paris le 7/19 mars 1856.

** К. 152. Nesselrode — Orloff, le 8/20 mars 1856.

*** К. 148, № 60. Орлов — Нессельроде. Paris le 20 mars — 1 avril 1856.

**** Там же, помета Александра II карандашом: «je n'ai rien contre» на телеграмме Орлова от 21 марта (2 апреля). Там же телеграммы Нессельроде графу Орлову от 22 марта (3 апреля).

***** К. 147. № 67 Orloff — Nesselrode, Paris le 23 mars — avril 1856.

****** Ар. вн. пол. К. 148. Депеша Орлова. Подана в Париже 30 марта в 4 ч. 14 мин.

Тотчас после подписания мирного договора Орлов и Бруннов отправили в Петербург ряд донесений, бросающих яркий свет на всю историю Парижского конгресса. Конечно, оба уполномоченные понимают, что Россия, привыкшая подписывать победоносные трактаты, будет недовольна, и они хотят, во-первых, подчеркнуть, что подписанный ими документ является наименьшим из многих зол и, во-вторых, что, делая необходимые уступки, они только исполняли волю Александра II, считавшего (как и они сами) продолжение борьбы трудным и рискованным делом. «Я не жалею (о труде и заботах), когда я думаю о том, от скольких несчастий, жертв и страданий Россия избавлена благодаря великодушным решениям нашего августейшего повелителя», пишет Бруннов графу Нессельроде. «Когда даже наши враги невольно отдают нам справедливость, неужели мы должны получать в виде награды от наших друзей критику и порицания? Я об этом не беспокоюсь. Мы исполнили наш долг по совести. При данных обстоятельствах трактат, таким, как он получился, превзошел мои ожидания». Англичане — недовольны, и это, по мнению Бруннова, доказывает, что трактат хорош *.

В ответ на посылку в Петербург полного проекта текста мирного договора. Орлов получил от Нессельроде самые лестные приветствия от имени царя:

«Ваше превосходительство сумели заручиться благоприятным расположением императора Наполеона и, таким образом, вам удалось, обойдя проекты Англии, расстроить коалицию, которая принимала все более и более огромные размеры и ввергла бы Россию в продолжительную войну, исхода которой никто не мог бы предвидеть» **. В общем, проект удовлетворил русское правительство, — но было признано желательным, чтобы в текст договора была внесена поправка, ограничивающая права Дунайских княжеств (независимо от окончательного устройства их) по части постройки крепостей и укреплений от Рени до устьев Дуная. Но даже и это требование, — осторожно прибавлял Нессельроде, — не должно «компрометировать дело мира». Другими словами, Орлов должен был подписать договор даже, если противники и не уступят по этому пункту.

«Священный союз» скончался, похоронен и поведение Австрии сделало его абсолютно невозможным впредь.

Где же искать опоры? «Наша единственная ограда против возобновления осложнений, которым мир положил конец, и для обеспечения передышки (la trêve), в которой мы нуждаемся внутри государства, — заключается в благорасположении императора Наполеона. Поэтому все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы сохранить за нами его благорасположе-

---

* Архив вн. пол. Папка «Письма барона Ф. Бруннова», Paris le 20 mars — 1 avril 1856. Бруннов — Нессельроде.

** Г. А. Ф. К. Э. гос. архив XV, St.-Petersbourg le 5 avril 1856. Нессельроде — Орлову.

ние, вместе с тем не обязываясь следовать за государем французов в тех предприятиях, которые он пожелает затеять»*.

Такова была основная мысль Александра II о ближайших отношениях, которые желательно установить с Наполеоном III. По крайней мере, так она формулировалась в первые дни после подписания мирного договора.

Через пять дней после подписания мира Александр II поручил графу Нессельроде поделиться с Орловым некоторыми соображениями о том, каков же отныне должен быть ближайший курс русской внешней политики.

Прежде всего, — Россия нуждается в том, чтобы ей была дана возможность спокойно и беспрепятственно развивать свои внутренние силы. Нужна безопасность. Но «как ни проста эта задача, она не будет легка». Война глубоко изменила прежние отношения России. Союз «трех северных дворов» (России, Пруссии, Австрии) перестал существовать из-за поведения Австрии. Затем — Швеция на севере, Турция — на юге — находятся «в новых и деликатных отношениях к России». Англия недовольна условиями мира и полна досады. Словом, все «элементы коалиции и причины, ее вызвавшие, продолжают существовать». Александр II видит большое благо для России в настроениях, обнаруженных Наполеоном III. «Наша единственная охрана от возвращения тех осложнений, которым положило конец заключение мира, — в благоприятном расположении императора Наполеона». Итак, задача русской дипломатии формулируется так: сохранить доброе расположение французского императора и вместе с тем не давать ему увлечь Россию за собой в какие-нибудь новые свои военные предприятия. Поэтому царь вполне одобряет поведение Орлова, отклонившего какое бы то ни было участие в обсуждении, например, итальянских дел. Но если бы Наполеону вздумалось поставить вопрос об отмене (формальной, ибо по существу их уже давно не было на свете) условий Венского трактата 1814—1815 гг., то Орлову предоставляется пойти навстречу желаниям Наполеона, если он найдет это уместным. Наконец, Орлову поручается дело, довольно неожиданное (и по меньшей мере решительно бесполезное для России): постараться расположить императора Наполеона к... Пруссии. Это было началом губительных ошибок Александра II относительно Пруссии**.

После подписания мирного договора конгресс имел еще несколько пленарных заседаний, но они имели уже второстепенное значение. На заседаниях 8 апреля говорилось о том, что Англия и Франция, хотя еще не находят возможным безотлагательно прекратить оккупацию Греции, но с нетерпением ждут момента, когда это будет для них возможно сделать. Заходила

---

* Г. А. Ф. К. Э. Гос. архив. XV, Très secret. St.-Petersbourg, le 5 février 1856 (второе письмо от той же даты).

** Архив вн. пол., № 152. Nesselrode — Orloff, le 5 avril 1856. Помета Александра II. «Быть по сему».

речь и об очень щекотливом вопросе «морского права». Английские представители сначала предлагали, чтобы конгресс просто высказал воспрещение каперства и всякого рода вооружения корсаров для нападения на торговые суда противника. В таком виде подобная декларация служила бы только интересам Англии и английской торговли. Орлов предложил, чтобы, кроме воспрещения каперства, конгресс высказался в своей декларации о правах нейтрального флага и обеспечении его от нападений и каких-либо насильственных действий со стороны воюющих стран. В этом требовании граф Валевский вполне поддержал Орлова, и русское предложение прошло. Мало того: прошла и еще одна поправка, внесенная Орловым. Каперство воспрещается только относительно тех держав, которые будут уважать права нейтральных судов.

Не обошлось, наконец, и без того, без чего не бывало до сих пор ни одного большого мирного конгресса. На заседании 14 апреля участники конгресса высказались по поводу идеи обязательного арбитража с целью предупреждения будущих войн, в случае возникновения конфликтов между державами. Пацифистская ассоциация, возникшая в Лондоне под названием «Друзья мира», отрядила в Париж своих делегатов с проектом такого «всеобщего арбитража». Делегаты не были допущены на конгресс и их предложение официально не было доложено. Но милорд Кларендон произнес небольшую речь с неопределенно миролюбивыми заявлениями, хотя и вовсе не в таком духе, как имели в виду «Друзья мира». Участники конгресса уже перед заседанием 14 апреля знали, что Наполеон III решительно против этих предложений, и даже не желает, чтобы такие принципы были «навязаны» конгрессу. Да и участники конгресса считали идею обязательного арбитража неосуществимой. Дело ограничилось невинной и ни малейшего значения не имевшей декларацией: «Уполномоченные, не колеблясь, выражают от имени своих правительств пожелание, чтобы государства, между которыми возникают серьезные разногласия, раньше чем обратиться к оружию прибегли, поскольку позволяют обстоятельства, к доброму посредничеству дружественной державы» *.

16 апреля 1856 г. состоялось последнее заседание Парижского конгресса. Подписывались последние протоколы, зачитывался текст декларации о правах и обязанностях держав, ведущих морскую войну. Затем граф Орлов произвел дружественную демонстрацию по адресу Франции: он предложил выразить председателю графу Валевскому благодарность за примирительный дух, проявившийся в руководстве работами конгресса. Это выступление Орлова было тотчас же поддержано лордом Кларендоном и прошло единогласно. Граф Валевский ответил выражением своей благодарности, после чего объявил конгресс закончившимся.

---

* К. 148, № 78, Paris le 19 février 1856.

На этом мы могли бы и окончить историю Парижского конгресса, поскольку конгресс явился дипломатическим окончанием войны России против враждебной коалиции. О всех ближайших политических последствиях Крымской войны для России, для Европы, для революционной общественности, о том, как отразилась эта война в самосознании основоположников научного социализма и других представителей европейской политической мысли, о целом ряде других вопросов, связанных отчасти близко, отчасти более отдаленно с войной и ее результатами, должно говорить с подобающей обстоятельностью в особой работе.

Но все-таки, кончая анализ документов, рисующих нам работу Парижского конгресса, нельзя не коснуться некоторых моментов, когда на конгрессе и около конгресса как бы вспыхивали и тотчас же потухали зарницы еще пока отдаленных новых бурь. Перед заключительным заседанием пленума 8 апреля Наполеон III, а затем и Валевский предлагали графу Орлову сказать несколько слов, благоприятных для Польши. Но Орлов решительно не согласился на это и, подавно, дал понять, что не согласен, чтобы, вообще, слово «Польша» было произнесено на заседании конгресса. Валевский все-таки еще раз заговорил о том же предмете, и Орлов повторил свой отказ. На этом дело с Польшей и было на конгрессе покончено, еще даже и не начавшись. Орлов приписывал эти французские попытки одному только желанию Наполеона показать польской эмиграции, что все-таки он о Польше продолжает радеть и заботиться *. Заговорил с Орловым о Польше, — но тоже не на заседании, а частным образом и лорд Кларендон. Но едва только получив решительный отказ, Кларендон сейчас же прекратил разговор на эту тему. Как и относительно всех других вопросов, возникавших на конгрессе, англичане прежде всего считались с линией поведения императора французов. Подавно, конечно, так было именно относительно Польши. Ни малейшего сочувствия поляки в официальной Англии не встречали даже во время войны, и для Пальмерстона Польша была в свое время лишь одной из выигрышных карт в дипломатической игре против России. Нечего и говорить лично о Кларендоне, который все более и более примирительно держал себя к концу конгресса.

Зато несравненно ярче и внушительнее был поставлен другой вопрос, тоже формально нисколько не относившийся к работам конгресса, но в самом деле серьезно занимавший Наполеона III. Это была «итальянская проблема», которой суждено было породить ближайшую по времени вторую большую войну наполеоновского царствования.

Председатель конгресса граф Валевский на заседании пленума 8 апреля 1856 года вдруг произнес прочувствованное

* Архив вн. пол., К. 148, № 78, Paris le 7/19 avril 1856.

слово о непорядках и дурном управлении в некоторых провинциях, принадлежавших римскому папе, а также в королевстве обеих Сицилий. Казалось бы, это относилось только к римскому папе Пию IX и к неаполитанскому королю. Но всполошился и обиделся прежде всего граф Буоль, первый австрийский уполномоченный. Он высказался в том смысле, что конгрессу не следует вмешиваться во внутренние дела независимых держав. Буоль понимал, что Валевский и тотчас же поддержавший его Кларендон открывают прямую дорогу к опаснейшему для Австрии обсуждению вопроса об австрийском владычестве в Ломбардии и Венеции.

И действительно, вслед за первыми ораторами, говорившими за и против, выступил полномочный представитель королевства Сардинии граф Камилло Бензо Кавур. Граф Кавур, можно сказать, пожертвовал 15 тысячами пьемонтских солдат, которых по желанию Наполеона III погнал на смерть к бастионам Севастополя, — лишь бы получить право теперь, на конгрессе, поставить во всей полноте итальянский вопрос.

Кавуру не удалось полностью осуществить то, чего он домогался, то есть, прочесть на пленуме свой мемуар о бедственном положении итальянского народа во владениях Австрии на Апеннинском полуострове, а также в других государствах Италии, вроде церковной области и королевства обеих Сицилий. Это прочтение перед пленумом означенного мемуара было, как утверждала впоследствии итальянская пресса, в свое время обещано самим Наполеоном III Кавуру, еще когда речь шла о посылке сардинского корпуса в Крым. Но мало ли что обещается устно? Наполеон III всегда на практике придерживался бесцеремонного ответа своего дяди Наполеона I, когда до того дошли упреки Александра I по поводу забвения «Тильзитских мотивов»: «в политике, как и в музыке, мотивы только тогда действительны, когда положены на ноты». Не позволив Кавуру прочесть мемуара, граф Валевский зато разрешил ему произнесть именно в заседании 8 апреля в высшей степени резкую речь, прямо направленную против Австрии. Эта речь была потом, для протокола, очень смягчена графом Валевским и из нее было старательно вытравлено все, что довольно недвусмысленно говорило о неизбежности устранения австрийского владычества на Апеннинском полуострове. Но самое это выступление Кавура прослушанное пленумом, даже одно только разрешение императорской негласной цензуры печатать во французских газетах почти полностью непрочитанный на конгрессе мемуар, — все это было довольно неприкрытой угрозой для Австрии, и притом угрозой, за которой чувствовалось присутствие самого Наполеона III. Орлов не выступал по этому вопросу, сославшись на то, что его полномочия не простираются на обсуждение предметов, не относящихся прямо к заключению мира. Но русские уполномоченные могли только злорадствовать, наблюдая, в каком незавидном положении оказывается к концу конгрес-

са граф Буоль. Австрия все три года войны послушно шла за Наполеоном III в надежде, во-первых, на великие и богатые милости в Молдавии и Валахии и, во-вторых, на упрочение своего господства в Италии вследствие «союзных» отношений с французским императором. Теперь Буоль возвращался в Вену не только с пустыми руками, но и чувствуя уже собирающуюся над Ломбардией и Венецией грозу.

В России М. П. Погодин и поэт Ф. И. Тютчев определенно предсказали оба еще в 1854 г., что прямым последствием победы Наполеона III под Севастополем будет изгнание Австрии с Апеннинского полуострова и что, таким образом, предательская политика Буоля никакой наградой не увенчается.

«Пушка, которая разбивает Севастополь, прогонит Австрию из Италии», писал Тютчев в одном частном письме, и, следовательно, напрасно Австрия так старается *.

«У нас известие о заключении мира, хотя и было обычным порядком возвещено городу пушечными выстрелами с Петропавловской крепости и сопровождалось благодарственными молебствиями, не могло, конечно, считаться событием радостным», — говорит в своих записках Д. А. Милютин: «бедствиям войны был положен конец; но мир куплен дорогой ценой. Русское национальное чувство было оскорблено. Молодому императору пришлось расплачиваться за неудачи войны, не им начатой» **.

Конечно, Россия слишком привыкла к победам, и свидетельство Милютина правильно передает настроение недовольства и разочарования. Но — наиболее раздражавший пункт договора (о «нейтралитете» Черного моря) был уже спустя четырнадцать лет уничтожен «односторонним» актом императора Александра II, потерянная часть Бессарабии вернулась в 1878 г., после новой и на этот раз победоносной войны, — а великодержавие России тотчас после 1856 года оказалось настолько реальным, что Наполеон III усиленно домогался тесного союза с царем, и в ближайшие годы, следовавшие за Парижским миром, территория России получила огромные приращения как на Кавказе, так и в Средней Азии. «Великан даже не пошатнулся», — с неудовольствием писали газеты руссофобского направления в Англии, Бельгии, Франции и уже очень скоро после мира.

Орлов не имел в виду остаться послом в Париже после заключения мира. Александр II еще не знал, на ком остановиться. Он решил временно назначить туда барона Бруннова. Вместе с тем царю хотелось поскорее узнать, насколько серьезны намеки Наполеона III на возможность франко-русского союза. Вот какое письмо Александр написал императору французов 21 апреля 1856 г.: «Государь, брат мой! В ожидании момента, который

---

* «L'Autriche se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre vis-a-vis de ses ennemis Peine inutile. Le canon qui bat en brèche Sewastopol lachasser d'Jtalre», Русский архив», 1874, X, 315.

** Рукописное отделение Гос. Библ. им. Ленина, М. 7812, лист 376—376, оборот.

я надеюсь уже недалек, когда мне будет возможно сообщить вашему императорскому величеству о выборе лица, предназначаемого для поддержания с Вашим кабинетом сношений, столь счастливо восстановленных заключенным между нами мирным договором, — благоволите, государь, брат мой, отнестись с полной верой к предложениям, которые он, может быть, будет призван сделать от моего имени Вашему Величеству или министерству Вашего Величества и почтить его высокой Вашей благосклонностью. Я спешу воспользоваться этим случаем, чтобы выразить Вашему Величеству уверение в глубоком почтении, с которыми я остаюсь братом Вашего Величества.

А л е к с а н д р».

Это письмо с особым фельдъегерем было отправлено на другой же день, 22 апреля, в Париж.

Уезжая, спустя месяц, из Парижа и уже сдав дела барону Бруннову, Орлов имел прощальную аудиенцию у Наполеона. Император говорил с Орловым с необычайной любезностью и даже с симуляцией полнейшей сердечности. Он говорил, что хочет дружбы с русским царем и о чувствах симпатии, какие существуют между обеими нациями. Наполеон заявил, что эти симпатии приобретут еще больше силы, **е с л и м е ж д у о б о и м и г о с у д а р я м и б у д е т з а к л ю ч е н о с о г л а ш е н и е.** Эти последние слова подчеркнуты в телеграмме Орлова, дающей отчет о прощальной аудиенции. А сверху Александр II написал: «Все это было бы очень хорошо, если это искренно». Царь не обиделся даже и тем, что на этот раз тоже Наполеон заговорил о Польше, правда, «в таком духе, как согласуется с намерениями» самого царя. Вообще же император французов, говоря о желательности соглашения между Россией и Францией, до того расчувствовался, что слова его выразили «глубокое волнение, на глазах были слезы». Орлов пишет, что слова Наполеона о будущем он считает правдивыми *.

Так закончилась дипломатическая миссия Орлова в Париже. В награду за успехи на конгрессе царь пожаловал ему княжеский титул взамен графского и при русском дворе его встретили как триумфатора. Даже и в близких к двору сферах было немало недовольных миром, но и они признавали, что Россия отделалась от тяжкой и долгой войны гораздо благополучнее, чем можно было ожидать.

Трехлетнее кровавое побоище окончилось. Парижский конгресс оказался исходным пунктом нового периода европейских международных отношений. В истории России Крымская война сыграла совершенно исключительную роль и была прологом к переменам и сдвигам колоссального значения и в быту и в психологии всех классов народа. В Европе подавляющее влияние, которое приобрел Наполеон III, сказалось прежде всего усилением полицейской диктатуры во Франции, торжеством реакции в Испании, в Бельгии; временным унизительным (и очень раз-

* К. 148, № 119. Paris le 12/24 Mai 1856. Орлов — Горчакову.

державшим значительную часть парламента) подчинением Пальмерстона наполеоновскому влиянию. Для Австрии полный провал ее политики в Крымскую войну был лишь как бы историческим введением к ряду ожидавших ее тяжких катастроф, первой из которых оказалось нападение на нее Наполеона III и, как последствие этого акта, потеря почти всех североитальянских владений. Для итальянского народа исход Крымской войны предопределил тот характер воссоединительного процесса в ближайшие годы, который привел к полному торжеству кавуровской политики над политикой республиканской, к властному вмешательству Наполеона III в дела Италии и к потере двух итальянских областей Савойи и Ниццы, аннексированных императором французов. Для Польши Крымская война и Парижский конгресс в связи с указанными новыми течениями в международной политике были предисловием к движению, кончившемуся восстанием 1863 года. Наконец, кавказские и среднеазиатские события первого десятилетия после Парижского конгресса стоят в прямой связи с крутой переменой всей русской внешней политики и заменой (временной) прежних ее целей новыми, — точнее не столько новыми, сколько отступавшими до тех пор на второй план.

Я кончал свою работу, когда русский народ и другие народы нашего великого Союза вели свою гигантскую борьбу против самого подлого, самого бесчеловечного из всех врагов, с каким когда-либо сталкивалась наша родина за все свое историческое существование.

Все изменилось. Враг у нас — другой, и старая Россия — превратилась в социалистическое государство. Не изменилось только одно. Прежним остался и попрежнему умеет презирать смерть великий народ-богатырь, этой тяжелой Крымской войной в такой поразительной степени увеличивший свою историческую военную репутацию. Краснофлотцы Черного моря и Балтики называют себя часто «нахимовскими внуками». Нахимов был бы доволен ими и так же гордился бы ими, как они гордятся своим славным дедом...

Парижский мир 1856 года закончил войну, которая осталась на скрижалях русской истории в ореоле немеркнущей славы.

ПЯТЬ ПУНКТОВ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ АВСТРИЕЙ РОССИИ ОТ ИМЕНИ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ В КАЧЕСТВЕ УСЛОВИЙ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ (ДЕКАБРЬ 1855 г.)

1. Дунайския княжества.

«Совершенная отмена русского покровительства.

«Россия не будет пользоваться никаким особенным или исключительным правом вмешательства во внутренние дела Княжеств.

«Княжества сохранят свои преимущества и льготы, под верховною властью Порты, и Султан, с согласия договаривающихся держав, утвердит в Княжествах устройство, сообразно с нуждами и желаниями народа.

«В Княжествах, с согласия Порты, будет введена постоянная оборонительная система, соответствующая их географическому положению; принятие ими чрезвычайных мер для обороны не должно встречать никакого препятствия.

«Россия, в замен крепостей и земель, занятых Союзными войсками, соглашается на проведение новой границы в Бессарабии. Эта граница, в видах общих интересов, начинаясь от окрестностей Хотина, пройдет вдоль горной цепи, по юго-восточному направлению, до озера Салзыка. Пограничная черта будет определена окончательно мирным трактатом и уступленное пространство будет присоединено к Княжествам под верховною властью Порты.

2. Дунай.

«Свобода судоходства по Дунаю и Дунайским гирлам будет существенно обезпечена европейскими комиссиями, составленными из равного числа представителей от всех договаривающихся держав; частные-же интересы прибрежных владений будут приняты во внимание на основании правил, определенных актом венского конгресса, по предмету речного судоходства.

«Каждая из договаривающихся держав будет иметь право содержать по одному или по два легких морских судна у дунайских устьев, чтобы охранять свободу судоходства по Дунаю.

3. Черное море.

«Черное море будет об'явлено нейтральным.

«Открытый в него вход для торгового мореплавания всех народов воспрещается военным судам.

«По сему на берегах Черного моря не будут ни заведены, ни оставлены никакие военно-морские арсеналы.

«Покровительство торговых интересов всех народов будет обезпечено в портах Черного моря учреждениями, сообразными с международным правом и установившимися обычаями.

«Обе прибрежныя державы условятся между собою на счет числа и силы легких судов, которыя оне будут содержать в Черном море. Конвенция между ними, по сему предмету, по предварительном принятии ея договаривающимися державами, приложится к общему трактату и будет иметь такую-же силу, как еслиб составляла его часть. Она не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия договаривающихся держав.

«Закрытие проливов допустит исключение, помянутое в пред'идущем пункте.

4. Христиане подданные Порты.

«Права и льготы христиан подданных Порты будут обезпечены без нарушения независимости и достоинства турецкого правительства.

«Россия, по заключении мира, будет приглашена к участию в распоряжениях, принятых Австриею, Франциею, Великобританиею и Портою, для облегчения религиозных и политических прав христиан подданных Султана.

5. Особенныя условия.

«Воюющия державы представляют себе право пред'явить на общую пользу Европы особенныя условия сверх четырех прежних».

ТРАКТАТ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ПАРИЖЕ 18-го (30) МАРТА 1856 г.

Ст. I. Со дня размена Ратификаций настоящего трактата быть на вечныя времена миру и дружеству между его Величеством Императором Всероссийским с одной, и Его Величеством Императором французов, Ея Величеством Королевою Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Его Величеством Королем Сардинским и Его Императорским Величеством Султаном — с другой стороны, между Их Наследниками и Преемниками, Государствами и подданными.

Ст. II. В следствие счастливого возстановления мира между Их Величествами, земли во время войны завоеванныя и занятыя Их войсками будут ими очищены.

О порядке выступления войск, которое должно быть учинено в скорейшее по возможности время, постановлены будут особыя условия.

Ст. III. Его Величество Император Всероссийский обязуется возвратить Его Величеству Султану город Карс с цитаделью оного, а равно и прочия части Оттоманских владений, занимаемыя Российскими войсками.

Ст. IV. Их Величества Император французов, Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Король Сардинский и Султан обязуются возвратить Его Величеству Императору Всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно все прочия места, занимаемыя союзными войсками.

Ст. V. Их Величества Император Всероссийский, Император французов, Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Король Сардинский и Султан даруют полное прощение тем из Их подданных, которые оказались винозными в каком-либо в продолжение военных действий соучастии с неприятелем.

При сем постановляется именно, что сие общее прощение будет распространено и на тех подданных каждой из воевавших Держав, которые во время войны оставались в службе другой из воевавших Держав.

Ст. VI. Военнопленные будут немедленно возвращены с той и другой стороны.

Ст. VII. Его Величество Император Всероссийский, Его Величество Император Австрийский, Его Величество Император Французов, Ея Величество Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Его Величество Король Прусский и Его Величество Король Сардинский об'являют, что Блистательная Порта признается участвующею в выгодах общего права и союза Держав Европейских. Их Величества обязуются каждый с своей стороны уважать независимость и целость Империи Оттоманской, обезпечивают совокупным своим ручательством точное соблюдение сего обязательства и в следствие того будут почитать всякое в нарушение онаго действие вопросом, касающимся общих прав и пользы.

Ст. VIII. Если между Блистательною Портою и однюю или несколькими из других заключивших сей Трактат Держав возникнет какое-либо несогласие, могущее угрожать сохранению дружественных между ними сношений, то и Блистательная Порта и каждая из сих держав, не прибегая к употреблению силы, имеют доставить другим договаривающимся сторонам возможность предупредить всякое дальнейшее столкновение, через свое посредничество.

Ст. IX. Его Императорское Величество Султан, в постоянном

попечении о благе своих подданных даровав фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам, и утверждаются великодушныя намерения Его касательно Христианского народонаселения Его Империи, и желая дать новое доказательство Своих в сем отношении чувств, решился сообщить договаривающимся Державам означенный, изданный по собственному Его побуждению, фирман.

Договаривающияся Державы признают высокую важность сего сообщения, разумея при том, что оно ни в каком случае не даст сим державам права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения Его Величества Султана к Его подданным и во внутреннее управление Империи Его.

Ст. X. Конвенция 13 июля 1841 года, коею поставлено соблюдение древняго правила Оттоманской Империи относительно закрытия входа в Босфор и Дарданеллы, подвергнута новому с общего согласия разсмотрению.

Заключенный Высокими договаривающимися сторонами сообразный с вышеозначенным правилом акт прилагается к настоящему Трактату, и будет иметь такую же силу и действие, как еслиб он составлял неотдельную онаго часть.

Ст. XI. Черное море об'является нейтральным; открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежным, так и всех прочих Держав, с теми токмо исключениями о коих постановляется в статьях XIV и XIX настоящего договора.

Ст. XII. Свободная от всяких препятствий торговля в портах и на водах Черного моря будет подчинена одним лишь карантинным таможенным, полицейским постановлениям, составленным в духе благоприятствующем развитию сношений торговых.

Дабы пользам торговли и мореплавания всех народов даровать все желаемое обезпечение, Россия и Блистательная Порта будут допускать Консулов в порты свои на берегах Черного моря, согласно с правилами международного права.

Ст. XIII. В следствие об'явления Черного моря нейтральным на основании статьи XI, не может быть нужно содержание или учреждение военноморских на берегах онаго арсеналов, как не имеющих уже цели, а посему Его Величество Император Всероссийский и Его Императорское Величество Султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военноморского арсенала.

Ст. XIV. Их Величествами Императором Всероссийским и Султаном заключена особая Конвенция, определяющая число и силу легких судов, которые они предоставляют себе содержать в Черном море, для нужных по прибрежию распоряжений. Сия Конвенция прилагается к настоящему Трактату и будет иметь такую же силу и действие как еслиб она составляла неотдель-

ную его часть. Она не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия Держав, заключивших настоящий Трактат.

Ст. XV. Договаривающияся стороны, с взаимного согласия, постановляют, что правила определенныя Актом Конгресса Венского, для судоходства по рекам разделяющим разныя владения или протекающим через оныя, будут впредь применяемы вполне к Дунаю и устьям его. Оне об'являют, что сие постановление отныне признается принадлежащим к общему народному Европейскому праву и утверждается Их взаимным ручательством.

Судоходство по Дунаю не будет подлежать никаким затруднениям и пошлинам, кроме тех, которыя именно определяются нижеследующими статьями. В следствие сего не будет взимаемо никакой платы собственно за самое судоходство по реке и никакой пошлины с товаров составляющих груз судов. Правила полицейския и карантинныя, нужныя для безопасности Государств прибрежных сей реке, должны быть составлены таким образом, чтоб оныя сколь можно более благоприятствовали движению судов. Кроме сих правил, свободному судоходству не будет постановляемо никакого рода препятствий.

Ст. XVI. Для приведения в действие постановления предидущей статьи учредится Комиссия, в коей Россия, Австрия, Франция, Великобритания, Пруссия, Сардиния и Турция будут иметь каждая своего депутата. Сей Комиссии будет поручено предназначить и привести в исполнение работы, нужныя для очистки Дунайских гирл, начиная от Исакчи, прилегающих к оным частей моря, от песка и других заграждающих оныя препятствий, дабы сия часть реки и упомянутыя части моря сделались вполне удобными для судоходства.

Для покрытия расходов нужных как для сих работ, так и на заведения, имеющия целью облегчить и обезпечить судоходство по Дунайским гирлам, будут постановлены постоянныя с судов соразмерныя с надобностью пошлины, которыя должны быть определены Комиссиею по большинству голосов и с непременным условием, что в своем отношении и во всех других соблюдаемо будет совершенное равенство относительно флагов всех наций.

Ст. XVII. Будет также учреждена Комиссия из членов со стороны Австрии, Баварии, Блистательной Порты и Виртемберга (по одному от каждой из сих держав); к ним будут присоединены и комиссары трех При-Дунайских княжеств, назначенныя с утверждения Порты. Сия Комиссия, которая должна быть постоянною имеет: 1, составить правила для речного судоходства и речной полиции; 2, устранить все какого-либо рода препятствия, которыя встречает еще применение постановлений Венского Трактата к Дунаю; 3, предположить и привести в исполнение нужныя по сему течению Дуная работы; 4, по упразднении общей предназначаемой статьею XVI Европейской Комиссии наблюдать за содержанием в надлежащем для судоходства состоянии Дунайских гирл и частей моря, к ним прилегающих.

Ст. XVIII. Общая Европейская Комиссия должна исполнить все ей поручаемое, а Комиссия прибрежная привести к окончанию все работы, означенныя в предшедшей статье, под №№ 1 и 2, в течении двух лет. По получении о том известия, Державы, заключившия сей трактат, постановят определение об упразднении общей Европейской Комиссии, и с сего времени постоянной прибрежной комиссии передана будет власть, которою дотоле имеет быть облечена общая Европейская.

Ст. XIX. Дабы обезпечить исполнение правил, кои с общаго согласия будут постановлены на основании изложенных выше сего начал, каждая из договаривающихся держав будет иметь право содержать во всякое время по два легких морских судна у Дунайских устьев.

Ст. XX. В замен городов, портов и земель означенных в статье IV настоящего трактата и для вящаго обезпечения свободы судоходства по Дунаю, Его Величество Император Всероссийский соглашается на проведение новой граничной черты в Бессарабии.

Началом сей граничной черты постановляется пункт на берегу Черного моря в разстоянии на один километр к востоку от соленого озера Бурнаса; она примкнет перпендикулярно к Акерманской дороге, по коей будет следовать до Траянова вала, пойдет южнее Болграда, и потом вверх по реке Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Пруте. От сего пункта вверх по реке прежняя между обеими Империями граница остается без изменения.

Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными комиссарами договаривающихся Держав.

Ст. XXI. Пространство земли установленное Россиею будет присоединено к Княжеству Молдавскому, под Верховною властию Блистательной Порты.

Живущие на сем пространстве земли будут пользововаться правами и преимуществами присвоенными Княжествам, и в течении трех лет им дозволено будет переселяться в другия места и свободно распорядиться своею собственностью.

Ст. XXII. Княжества Валахское и Молдавское будут под Верховною Властию Порты и, при ручательстве договаривающихся Держав, пользоваться преимуществами и льготами, коими пользуются ныне. Ни которой из ручающихся Держав не представляется исключительнаго над оными покровительства. Не допускается ни какое особое право вмешательства во внутренния дела их.

Ст. XXIII. Блистательная Порта обязуется оставить в сих Княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства.

Действующие ныне в оных законы и уставы будут пересмотрены. Для соглашения касательно сего пересмотра, назначена будет особая Комиссия, о составе коей Высокия договариваю-

щияся Державы имеют условиться. Сия Комиссия должна без отлагательства собраться в Бухаресте; при оной будет находиться Комиссар Блистательной Порты.

Сия Комиссия имеет изследовать настоящее положение Княжеств и предложить основания их будущаго устройства.

Ст. XXIV. Его Величество Султан обещает немедленно созвать в каждой из двух областей нарочный для того Диван, который должен быть составлен таким образом, чтобы он мог служить верным представителем польз всех сословий общества. Сим Диванам будет поручено выразить желания народонаселения касательно окончательнаго устройства Княжеств.

Отношения Комиссии к сим Диванам определяется особою от Конгресса инструкциею.

Ст. XXV. Приняв мнение, которое будет представлено обоими Диванами, в надлежащее соображение, Комиссия немедленно сообщит в настоящее место заседания конференций результаты своего собственного труда.

Окончательное соглашение с Верховною над Княжествами Державою должно быть утверждено Конвенциею, которая будет заключена Высокими договаривающимися сторонами в Париже, и Хати-Шерифом, согласным с постановлениями Конвенции, дано будет окончательное устройство сим областям при общем ручательстве всех подписавшихся Держав.

Ст. XXVI. В Княжествах будет национальная вооружённая сила, для хранения внутренней безопасности и обезпечения безопасности границ. Никакие препятствия не будут допускаемы в случае чрезвычайных мер обороны, которыя, с согласия Блистательной Порты, могут быть приняты в Княжествах для отражения нашествия извне.

Ст. XXVII. Если внутреннее спокойствие Княжеств подвергнется опасности или будет нарушено, то Блистательная Порта войдет в соглашение с прочими договаривающимися Державами о мерах нужных для сохранения или возстановления законного порядка. Без предварительного соглашения между сими Державами не может быть никакого вооруженного вмешательства.

Ст. XXVIII. Княжество Сербское остается как прежде под Верховною Властию Блистательной Порты, согласно с Императорскими Хати-Шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества онаго при общем совокупном ручательстве договаривающихся Держав.

В следствие сего, означенное Княжество сохранит свое независимое и национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства.

Ст. XXIX. Блистательная Порта сохраняет определенное прежними постановлениями право содержания гарнизона. Без предварительнаго соглашения между Высокими договаривающимися Державами не может быть допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство.

Ст. XXX. Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Султан сохраняют в целости владения свои в Азии, в том составе, в коем они законно находились до разрыва.

Во избежание всяких местных споров, линии границы будут поверены и в случае надобности исправлены, но таким образом, чтоб от сего не могло произойти никакого в поземельном владении ущерба, ни для той, ни для другой стороны.

На сей конец, немедленно по возстановлении дипломатических отношений между Российским Двором и Блистательною Портою, послана будет на место составленная из двух Комиссаров Российских, двух Комиссаров Оттоманских, одного Комиссара Французского и одного Комиссара Английского, Комиссия. Она должна исполнить возлагаемое на нее дело в продолжение осьми месяцев, считая со дня размена ратификаций настоящего Трактата.

Ст. XXXI. Земли, занятыя во время войны войсками Их Величеств Императора Австрийского, Императора Французов, Королевы Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Короля Сардинского, на основании Конвенций, подписанных в Константинополе 12 марта 1854 года между Франциею, Великобританиею и Блистательною Портою, 14 июня того же года между Блистательною Портою и Австриею, и 15 марта 1855 года между Сардиниею и Блистательною Портою, будут очищены после размена ратификаций настоящаго Трактата в скорейшее по возможности время. Для определения сроков и средств исполнения сего, имеет последовать соглашение между Блистательною Портою и Державами, коих войска занимали земли ея владений.

Ст. XXXII. Доколе Трактаты или Конвенции, существовавшие до войны между воевавшими Державами, не будут возобновлены или заменены новыми Актами, взаимная торговля, как привозная, так и отвозная, должна производиться на основании постановлений, имевших силу и действие до войны и с подданными сих Держав во всех других отношениях поступаемо будет наравне с нациями наиболее благоприятствуемыми.

Ст. XXXIII. Конвенция, заключенная сего числа между Его Величеством Императором Всероссийским с одной и Их Величествами Императором Французов и Королевою Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с другой стороны, относительно островов Аландских, прилагается и остается приложенною к настоящему Трактату и будет иметь таковую же силу и действие как еслиб оная составляла неотдельную часть его.

Ст. XXXIV. Настоящий Трактат будет ратификован и ратификации онаго будут разменены в Париже в течение четырех недель, а если можно и прежде.

СТАТЬЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ И ВРЕМЕННАЯ.

Постановления подписанной сего числа Конвенции о проливах не будут применяемы к военным судам, кои воевавшими Державами употреблены будут для вывода морским путем войск их из земель, ими занимаемых. Сии постановления войдут в полную силу, как только сей вывод войск будет приведен к окончанию.

В Париже, в 30-й день Марта 1856 года.

КОНВЕНЦИЯ КАСАТЕЛЬНО ПРОЛИВОВ ДАРДАНЕЛЛ И БОСФОРА.

Ст. I. Его Величество Султан, с одной стороны, об'являет, что Он имеет твердое намерение соблюдать на будущее время постановления, неизменно принимавшияся как древнее правило Его Империи, в силу коего всегда было воспрещаемо военным судам Держав Иностранных входить в проливы Дарданелл и Босфора, и что доколе Порта будет находиться в мире, Его Величество не допустит никакого иностранного военного судна в означенные проливы.

А Их Величества Император Всероссийский, Император Австрийский, Император Французов, Королева Соединенных Королевств Великобритании и Ирландии, Король Прусский и Король Сардинский, с другой стороны, обязуются уважать сие решение Султана и сообразоваться с вышеиз'ясненным правилом.

Ст. II. Султан предоставляет себе, как и прежде, выдавать фирманы для прохода легких под военным флагом судов, которые будут употребляемы, по существующему обыкновению, при миссиях дружественных с Портою Держав.

Ст. III. Тоже самое из'ятие допускается в отношении к легким под военным флагом судам, которыя каждая из договаривающихся Держав имеет право содержать при устьях Дуная, для обезпечения исполнения постановлений о свободе судоходства по сей реке, и коих число не должно превышать двух для каждой Державы.

Ст. IV. Настоящая конвенция, приложенная к общему Трактату, подписанному сего числа в Париже, будет ратификована и ратификации оной будут разменены в течение четырех недель, а если можно и прежде.

КОНВЕНЦИЯ О РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ВОЕННЫХ СУДАХ В ЧЕРНОМ МОРЕ.

Ст. I. Высокия договаривающияся стороны взаимно обязуются не иметь в Черном море иных военных судов кроме тех, коих число, сила и размеры определены как ниже следует.

Ст. II. Высокия договаривающияся стороны предоставляют Себе содержать каждая по шести в означенном море паровых судов в 50 метров длины по ватерлинии, вместительностию не свыше 800 тонн; и по четыре легких паровых или парусных

судна, коих вместительность не должна превышать 200 тонн в каждом.

Ст. III. Настоящая конвенция, приложенная к общему Трактату, подписанному сего числа в Париже, будет ратификована, и ратификации оной будут разменены в течении четырех недель, а если можно и прежде.

КОНВЕНЦИЯ ОБ АЛАНДСКИХ ОСТРОВАХ.

Ст. I. Его Величество Император Всероссийский, согласно с желанием, из'явленным Ему Их Величествами Императором французов и Королевою Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, об'являет, что Аландские острова не будут укрепляемы и что на оных не будет содержимо ни вновь сооружено никакого военнаго или морского заведения.

Ст. II. Настоящая конвенция, приложенная к общему Трактату, подписанному сего числа в Париже, будет ратификована, и ратификации оной будут разменены в течение четырех недель, а если можно и прежде.

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*

Подписано к печати 18/IX-1942 г. ПФ3403 Объем 4¼ печ. л., 4,67. уч.-изд. л.
Тираж 000. Цена 3 руб. 50 коп. Заказ № 0189. Рисо № 1993.

Отпечатано в книжной ф-ке им. Камиль Якуб.
Казань, ул. Баумана, 19, Дом печати. 1942 г.

Цена 3 руб. 50 коп.